

САМАНТА КРИСТИ

18+

БЕЛЫЕ ЛИЛИИ

ОДНО РЕШЕНИЕ ИЗМЕНИТ
СРАЗУ ТРИ ЖИЗНИ

ПОРОЧНЫЕ ЦВЕТЫ. ИСТОРИЯ СКАЙЛАР. II

Сестры Митчелл

Саманта Кристи

Белые лилии

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кристи С.

Белые лилии / С. Кристи — «Эксмо», 2015 — (Сестры Митчелл)

ISBN 978-5-04-154230-6

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦИКЛА О СЕСТРАХ МИТЧЕЛЛ!

Роман, который разобьет твое сердце, а потом бережно соберет его по кусочкам. Одно решение изменит сразу три жизни. Скайлар Митчелл предпочитает не влюбляться: она меняет мужчин как перчатки и наслаждается тусовками в барах. Сестры Скайлар обеспокоены ее образом жизни, и, кажется, сама Скай тоже. Идея стать суррогатной матерью для пары, которая не может иметь детей, дает девушке шанс изменить сразу три жизни. Только Скайлар даже не подозревает, к чему приведет это решение, пока не становится лучшей подругой с будущей матерью ребенка и не влюбляется в ее идеального мужа. «Это история о душевной боли, тоске и запретном желании». – Janelle Fila for Readers' Favorite «"Белые лилии" – невероятно глубокий психологический роман. У каждого из нас есть травмы, но не каждый их осознает. У Скайлар это получилось». – Алёны Иващенко @alenska_сахар, книжный блогер

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-154230-6

© Кристи С., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Саманта Кристи

Белые лилии

© Гусева А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Моему сыну Дилану.

Не играй с судьбой.

Никогда не теряй надежды

и веры в семью.

Часть первая

Скайлар

Пролог

– О господи! Только не это! – бормочу я, ужасаясь противному привкусу во рту. Я в полумраке оглядываю незнакомую комнату в поисках ответов, как я сюда попала и что за парень лежит рядом со мной.

Я приподнимаю одеяло и изучаю его. Потом удовлетворенно приподнимаю брови: увиденное меня не разочаровало. Забавно, что выпитое вчера пиво не затуманило мой разум.

Крайне сексуальный, совершенно голый мужчина, храпящий у меня под боком, – воплощение сексуальной фантазии любой девушки. От одного взгляда на него у меня текут слюнки – и напоминают о неприятном запахе у меня изо рта. Я отыскиваю на полу рядом с кроватью свою сумочку – и две обертки от презервативов. *Две!* Я достаю из сумочки мятный леденец и продолжаю изучать Адониса.

Он, наверное, высокий. Ноги у него почти свисают с кровати. Бедра большие, мускулистые, как у велосипедиста, – это прибавляет ему очков. Кубики пресса упругие, как батут, – интересно, я на них попрыгала вчера ночью? У него очень мужественный вид, даже когда он спит. Придется проявить снисхождение к его волосам: уж слишком аппетитно выглядит все остальное. Но стрижка очень короткая. Под ежик. И волосы, кажется, рыжие. Я снова приподнимаю одеяло. Ага, так и есть, рыжие.

Пока я разглядываю нижнюю часть тела своего рыжего приятеля, у него снова встает. Да еще как! Я широко раскрываю глаза от удивления и вижу, что он... тоже оценивающе меня разглядывает. Я встречаю его взгляд и вижу в нем такое же неловкое чувство, что и у меня. Неловкость оттого, что мы друг друга не узнаем.

Он тихо фыркает и указывает на свою эрекцию.

– Не хочешь что-нибудь с этим сделать? – спрашивает он, и в его голосе проскальзывает бостонский акцент – для меня это как звук гвоздя по стеклу. Я прикладываю палец к его губам, чтобы он больше ничего не говорил и не спугнул тем самым мое возбуждение.

Секунду я смотрю на него и размышляю, не стоит ли мне уйти. Но, учитывая, что мы уже два раза трахались, я решаю, что мне стоит хотя бы вспомнить, как это было. Так что какого черта?!

– Сначала самое главное, – говорю я и тянусь к сумочке. Я протягиваю ему мятный леденец на случай, если у него во рту такой же привкус, как и у меня.

– Спасибо, – он берет леденец и закидывает его в рот.

Я натягиваю презерватив на его внушительный член и сажусь на него верхом. Это немножко больно, потому что я не вполне готова.

– Ты зря времени не теряешь, да, дорогая?

Дорогая? Боже, это еще хуже, чем его ужасный акцент «синих воротничков». Я смотрю на часы.

– Через час мне надо быть на работе, – объясняю я.

– Понятно. А где ты работаешь? – спрашивает он с невозмутимым видом, словно мы пьем чай, а его длинный член не находится сейчас у меня внутри.

– Давай просто продолжим... дорогой? – предлагаю я.

Он смеется и входит в меня глубже, крепко держа меня за бедра.

– Без проблем.

Спустя десять минут и один не слишком удовлетворительный оргазм я привожу себя в порядок в его ванной. Там до хрена всяких женских штучек. Я заглядываю в шкафчик под раковиной. Тампоны.

Я быстро одеваюсь и возвращаюсь в спальню за сумочкой.

– У тебя что, есть девушка, козел?! – спрашиваю я, глядя, как он прикуривает, и надеясь, что пепел упадет и прожжет его неверный член.

В ответ он только пожимает плечами и морщит нос.

Мудак.

Я неодобрительно качаю головой, затем надеваю туфли на каблуке и молча выхожу из спальни. Кажется, он бормочет какие-то слова благодарности, но я просто захлопываю дверь спальни.

По пути к выходу я замечаю разбросанные по полу игрушки. Я останавливаюсь и оглядываюсь по сторонам.

Вот же сукин сын!

В углу стоит детский манеж. За столом – стульчик для кормления. Возле шкафа – упаковка подгузников. А над камином висит большой портрет, изображающий чертову идеальную семью.

Какая же я шлюха!

Глава 1

– Ну а чего ты хотела, Скайлар? – отчитывает меня Бэйлор. – Если тусуешься в ночных клубах и пьешь, как матрос, то неудивительно, что потом просыпаешься неизвестно где. И виноват в этом не только тот парень.

– Пфф! – Я надуваю губки.

Потом делаю большой глоток клубничной «Маргариты», которую мне налила Бэйлор: у нас сегодня девичник. Бэйлор, может, и не пьет, потому что беременна, но коктейли у нее получаются все еще неплохие.

– Он женат! У него, блин, ребенок! Какое право он имеет кадрить кого-то в барах?

– Ну да, пожалуй, ты права, – соглашается Бэйлор, снова наполняя стаканы Дженне и Минди. – Но даже если бы это был не он, ты все равно подцепила бы какого-нибудь другого случайного парня, так что какая разница?

Бэйлор права. Чертовски права. Я мысленно прокручиваю в памяти несколько прошедших лет – и чуть не выплевываю обратно коктейль, вспомнив свою репутацию знатной распутницы. Обычно я расстаюсь с мужчинами так быстро, что они даже не успевают мне понравиться. А если у парня появляются ко мне чувства? Даже и не мечтайте. Чувства приводят к любви. Любовь приводит к разбитым сердцам. Разбитые сердца приводят к хреновой жизни. Я об этом знаю не понаслышке. Ну ладно, может, все в итоге кончилось и неплохо, но я никогда не забуду, как моя старшая сестра Бэйлор оказалась сломлена человеком, в которого влюбилась, когда ей было восемнадцать. Я на два года младше ее, но я еще тогда поклялась, что со мной такого не случится.

И вот я здесь: мне двадцать четыре года, и на изголовье моей кровати столько же зарубок, сколько на кошачьей когтеточке. Я пристыженно опускаю голову, а моя сестра и наши подруги пытаются меня утешить.

– Я ужасный человек, – вздыхаю я.

– Нет, это неправда! – возражает Дженна. – Просто ты иногда ошибаешься, милая.

В моей голове проносятся воспоминания обо всех постыдных ошибках, которые я сделала за последние годы.

– Нет, я все-таки ужасный человек, – повторяю я.

– Да ладно тебе, – говорит Минди. – Все не так уж плохо.

Я качаю головой, глядя на свою соседку по квартире. Наряду с моими сестрами Бэйлор и Пайпер, Минди – моя ближайшая подруга. Она также лучшая официантка в нью-йоркском ресторане «У Митчелла», которым владеют мои родители. Наша квартира находится всего в нескольких кварталах от ресторана, которым я управляю. Еще у нас – ну ладно, у *меня* – есть сигнал, который мы используем, когда нам нужно, чтобы вторая соседка какое-то время не возвращалась в вышеупомянутую квартиру. Когда мы приводим парня в наше крошечное жилище с тонкими стенами, мы оставляем в прихожей свет. И в этот самый момент до меня доходит, что Минди его ни разу не включала. Не то чтобы она никого к себе не приводила. Это иногда случается. Просто она, наверное, приглашает к себе парней, когда я на работе. Или они идут куда-нибудь еще. Она тактичная шлюха. А я – эгоистичная.

– Не так уж плохо?! – восклицаю я. – Ну конечно, все еще хуже. Я самовлюбленная шлюха и бесцеремонная алкоголичка. Я никогда не покупаю печенье у девочек-скаутов. Вешаю трубку, когда мне звонят из благотворительных организаций. И сплю с женатыми мужчинами, ради всего святого! Признайте уже, что я попаду прямиком в ад.

Дженна очень старается, чтобы это не прозвучало как нагоняй, но получается у нее не очень:

– Скайлар, ты так поступаешь каждый раз. Напиваешься, потом просыпаешься в постели у первого встречного, а потом рассказываешь нам, какой ты плохой человек. Если тебе все это так надоело – а я думаю, что выражу наше общее мнение, если скажу, что *нам* это ужасно надоело, – то сделай уже с этим что-нибудь.

Я перевожу взгляд с одной подруги на другую, а они следят за моей реакцией. Они все такие идеальные, что просто охренеть можно! Дженна – литературный агент и лучшая подруга Бэйлор – помолвлена с парнем, который тренирует бэттеров бейсбольной команды «Янкис»¹. Она помогает в благотворительной организации, основанной этой командой, которая собирает деньги на вакцинацию детей в Африке. Минди из богатой семьи, но она отказывается жить за счет своего отца, поэтому работает официанткой, пока учится в университете на физического терапевта. Ну и, разумеется, Бэйлор – известная писательница. Она наконец воссоединилась с любовью всей своей жизни, и они ждут второго ребенка. Даже моя младшая сестренка Пайпер воплощает свою мечту, путешествуя по миру со своей лучшей подругой.

У всех что-то происходит. А у меня что?

Мужчину... не хочу.

Детей... ненавижу.

Счастье... сильно переоценено.

Чувство собственного достоинства... отсутствует.

Самоуважение... уехало в отпуск вместе с чувством собственного достоинства.

Единственное, что у меня есть, – это моя работа. Мне нравится управлять нью-йоркским рестораном «У Митчелла». Мои родители практически полностью препоручили мне его. Да, они, конечно, отслеживают ситуацию и появляются хотя бы раз в неделю, чтобы убедиться, что я не облажаюсь и не разрушу их империю, но сейчас они больше заняты рестораном номер три на Лонг-Айленде. Моя работа – это моя жизнь. Моя жизнь – это моя работа. И мне это нравится. По крайней мере, нравилось, пока меня не настигло озарение десять минут назад. Но то было тогда, а это – сейчас. И сейчас я приказываю себе взяться за ум. Перевернуть страницу. Подвести черту. Сделать что-то со своей жизнью. Что-то значимое.

О боже! Я приняла экзистенциальную таблетку, и теперь она лезет из меня обратно – вместе с четвертой выпитой «Маргаритой».

– Ладно, допустим, я хочу измениться, – задумчиво произношу я. – Как я могла бы это сделать?

Мои подруги переглядываются между собой. Я знаю, что они сейчас думают. Я хочу послать их к черту, но они слишком хорошо меня знают. Они думают, что мое желание скоро улетучится. Я уверена, что десять раз в неделю заявляю, что хочу что-нибудь в себе изменить. Но они хорошо знают, что я говорю это неискренне. То есть говорила. До настоящего момента.

– Ну а что именно ты хочешь изменить? – спрашивает Минди. – Я имею в виду, что у тебя поле непаханое.

Остальные девушки смеются, а я дуюсь, хотя это правда. Минди примирительно накрывает мою руку ладонью.

– Скайлар, ты же знаешь, что я тебя люблю. Я буду во всем тебя поддерживать и помогать, чем только смогу.

Я смотрю на свою привлекательную «Маргариту».

– Мне надо перестать пить.

Все кивают в знак согласия.

– Мне надо перестать трахаться.

Еще более энергичные кивки.

¹ Бэттер – игрок атакующей команды в бейсболе. «Нью-Йорк Янкис» (англ. New York Yankees) – профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Нью-Йорке. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Мне надо что-то сделать со своей жизнью – что-то очень значительное.

Тут они хмурят брови.

Пока они размышляют, я пью. Бэйлор скептически наблюдает за тем, как я опустошаю свой стакан.

– Я же не имела в виду, что мне надо бросить пить прямо в эту секунду! – огрызаюсь я. – Завтра. Я начну завтра. И я открыта для ваших предложений, – говорю я им.

Дженна поворачивается ко мне с дурашливой улыбкой.

– Ты могла бы стать монахиней. Это покрывает все пункты. Никакого секса, никакой выпивки. – Она задумчиво хмурит брови. – Подожди-ка, монахиням ведь нельзя пить, да? И что может быть значительнее, чем служить Самому Главному, а?

– Монахиней? – встревает Бэйлор. – Мы вообще-то о моей сестре говорим. Давайте будем реалистами.

Я показываю ей язык, как капризный пятилетний ребенок.

– Придумала! Ты могла бы вступить в Корпус мира², – предлагает Минди. – Они помогают людям по всему миру, и тебе пришлось бы ездить в очень удаленные места – где, наверное, нет красивых мужчин и алкоголя.

Я качаю головой:

– Нет. Я люблю свою работу. И не оставлю ресторан. Нужно придумать что-то другое.

– Ты могла бы растолстеть, – говорит Дженна. – Ну, чтобы отпугнуть мужчин.

Я закатываю глаза:

– Во-первых, есть парни, которым нравятся толстые девушки. А во-вторых и в-третьих, как это решит мою проблему с алкоголем и позволит мне стать благодетелем человечества?

– Да, пожалуй, ты права. – Дженна внимательно смотрит на меня, ожидая вдохновения.

Бэйлор гладит свой растущий беременный животик.

– Ты могла бы залететь, – дразнит меня она. – Это точно решит первые две проблемы. Мужчин редко привлекают беременные женщины – если только это не твой суперсексуальный муж.

Бэйлор вздыхает, и я точно знаю, что в мыслях она сейчас со своим мужчиной.

– Фу-у-у! Не заставляй меня представлять себе, как вы с Гэвином занимаетесь грязным сексом! – Я вздрагиваю от отвращения. – И ты можешь себе представить меня беременной? Боже, только не это! Я ненавижу детей!

– Ты же любишь Мэддокса. – Бэйлор с нежностью смотрит на меня.

– Конечно, люблю. Я же в любой момент могу вернуть его обратно, – объясняю я. – Залететь было бы почти хорошей идеей, если бы не означало, что я останусь с сопливым сорванцом и каким-нибудь безработным неудачником в качестве его папаша.

Минди распрямляет спину:

– Ты могла бы родить ребенка для кого-то другого.

– То есть отдать ребенка на усыновление? – спрашиваю я, в сомнении морща лоб.

– Нет, ты могла бы стать суррогатной матерью, – с воодушевлением говорит она, словно только что придумала самую гениальную из всех гениальных идей. – Ну ты знаешь, тебя оплодотворяют в какой-нибудь лаборатории, ты вынашиваешь чьего-то ребенка, а потом отдаешь его, как только он из тебя вылезет. Это было бы идеальным решением.

Минди поднимает вверх руку и начинает перечислять, загибая пальцы:

– Тебе нельзя пить. Ни один мужчина, будучи в здравом уме, не захочет секса с беременной незнакомкой. И вдобавок ко всему ты сделаешь для кого-то что-то совершенно потрясающее.

– И ты сможешь при этом управлять рестораном, – добавляет Дженна.

² Корпус мира (англ. Peace Corps) – независимое федеральное агентство правительства США.

– Правда?

Я перевожу взгляд с Дженны на Минди и обратно, они обе одобрительно кивают. Я размышляю о том, что они сказали.

– Да. Думаю, я бы смогла.

– Что?! – кричит Бэйлор, ее лицо исказилось от злости. – Скайлар, я же пошутила! Тебе нельзя беременеть!

Я бросаю на нее злобный взгляд.

– Ты же не монополизировала этот рынок, сестренка. У меня есть вполне пригодная матка, которая зарастет паутиной, если я не буду ее использовать.

Минди игнорирует неодобрительный взгляд Бэйлор.

– Суррогатные матери пользуются большим спросом. Многие женщины не могут родить сами. Они заплатят целое состояние, если ты подаришь им ребенка. Моя мама недавно рассказывала мне про одну знакомую пару, у которой не может быть детей, потому что у женщины был рак.

Я качаю головой:

– Я хочу это сделать не ради денег, Мин. Это противоречило бы моему желанию сделать что-нибудь важное.

– Есть небольшая проблема, девочки, – говорит Дженна, печатая что-то на телефоне. – Скайлар не может стать суррогатной матерью.

– Да? Почему? – спрашиваю я, разочарованная тем, что придется так быстро отказаться от этой идеи.

– Здесь написано, что, для того чтобы стать суррогатной матерью, нужно, чтобы у женщины уже были свои дети, – говорит она. – Думаю, они хотят быть уверенны, что ты не передумаешь и не сбежишь с ребенком.

– Вполне разумно, – говорит Минди.

– Вот черт! – Я сутулю плечи. – Это было бы идеальным решением.

– Идеальным решением?! – Бэйлор изумленно смотрит на меня. – Скайлар Митчелл, ты хочешь сказать, что всерьез об этом задумалась? Это же просто смешно!

– Ну да! А почему бы и нет?

– Почему бы и нет?! – переспрашивает Бэйлор. – Потому что твое тело не будет тебе принадлежать целых девять месяцев. Потому что тебя будет тошнить, и у тебя разыграются гормоны и появятся растяжки. Потому что какая-то незнакомая женщина будет следить за каждым твоим шагом, чтобы убедиться, что ты не навредишь ее ребенку. Потому что ты влюбишься в младенца, как только он родится. Мне продолжать?

– То, что ты сказала про тошноту и растяжки, – это будет отпугивать мужчин. Незнакомая женщина, которая будет следить за мной, будет удерживать меня от выпивки и всяких глупостей. А влюбиться в ребенка – ты что, с ума сошла? Помнишь, как я возвращала тебе маленького Мэддокса каждый раз, когда он просто как-то не так на меня смотрел?

Я хмурю брови.

– Это было бы идеальным выходом. Но если я не подхожу, то нет смысла цепляться за эту идею.

– Подожди, – говорит Минди, неготовая признать свое поражение. – Кто сказал, что тебе обязательно это делать официально через агентство? Почему бы просто не найти кого-то, кому нужна суррогатная мать, и не родить им ребенка? Многие так делают.

– Как? Печатают объявление в газете? – Я хихикаю над абсурдностью этой идеи: «Сдается матка напрокат».

Мы все смеемся. Ну то есть все, кроме Бэйлор – она выглядит рассерженной.

– Да заткнитесь вы уже наконец! – кричит она. – Перестаньте ее подбадривать. Это в самом деле очень плохая идея.

Дженна набрасывается на нее:

– Плохая идея? В каком мире мы бы жили, если бы такие люди, как Скайлар, не совершали таких самоотверженных поступков ради других?

Бэйлор закатывает глаза.

– В том же самом мире, в котором мы жили две секунды назад, – дуется она. – Скайлар *не станет* этого делать.

– Что, если бы у вас с Гэвином не могло быть детей? – спрашивает Минди у Бэйлор. – Что, если бы вы до смерти хотели их завести? Что, если бы у тебя не было сестры, которая могла бы одолжить тебе свою матку, и какая-то незнакомая женщина предложила выносить за тебя твоего ребенка? Ты правда собираешься сидеть здесь и лишать кого-то такой возможности?

Бэйлор накрывает мою руку ладонью.

– Скайлар, обещаю тебе, что, прежде чем во что-то ввязаться, хорошенько все обдумаешь, когда по твоим венам не будет течь «Маргарита».

– Так что, – я игнорирую сестру и поворачиваюсь к Минди, – объявление в газете?

– Думаю, можно, и так, – говорит она. – Но если ты настроена серьезно, я, наверное, могла бы свести тебя с той парой, про которую мне рассказывала мама.

– Они ищут не через агентство? – спрашиваю я.

– Нет. – Минди печально качает головой. – У женщины – кажется, ее зовут Эрин – был рак, так что ни одно агентство не хочет с ней связываться. Кажется, у них еще и плохая наследственность по медицинской части. Наверное, агентства не хотят рисковать, отдавая ребенка больной женщине, когда есть столько здоровых женщин, которые тоже хотят детей.

– Как это печально, – говорю я. – Значит, я могла бы подарить ребенка женщине, которая была больна и очень хочет ребенка, но больше никто не может ей его подарить?

– Угу. – Минди приподнимает стакан, словно произносит тост в мою честь. – Это, пожалуй, сразу откроет перед тобой врата на небеса.

Я чувствую, как мое лицо расплывается в улыбке. Я не чувствовала подобного с... хм... никогда не чувствовала. Я хочу это сделать. Я хочу дать кому-то то, чего им больше никто не может дать. Я смотрю на Минди.

– Давай попробуем. Позвони им.

Минди улыбается и хлопает меня по руке.

– Ты замечательный человек, Скайлар, – говорит она. – Но если ты не возражаешь, я дам тебе немного подумать.

– Подождите, вы же не серьезно?! – говорит Бэйлор.

– Мы серьезные, как инфаркт, сестренка.

Глава 2

Я ужасно волнуюсь. Что, если я им не понравлюсь? Что, если они, как степфордские жены³, захотят контролировать каждый кусочек еды, который попадает мне в рот, и заставят меня каждой день заниматься йогой и тому подобной фигней? Что, если они потребуют, чтобы я перестала пить кофе? Я уже отказалась от алкоголя, что у меня тогда останется? Что, если они не захотят, чтобы их ребенок рос в моей распутной утробе?

Я поклялась, что буду максимально честна с ними относительно своего прошлого, даже несмотря на риск быть ими отвергнутой. Это часть моего плана стать лучше.

Две недели. Бэйлор заставила меня подождать целых две недели: она думала, что я пойду на попятную. Но когда я не только не вышла из игры, но и тщательно изучила тему суррогатного материнства и его пользу для обеих сторон, она наконец изменила свою точку зрения и теперь тоже входит в команду поддержки Скайлар. А в не в команду какого-черта-ты-делаешь?

Я смотрю на часы примерно раз в минуту. Уже почти четыре. Пора бы им появиться. Нам пришлось назначить встречу на субботу, потому что они оба работают. Я даже не знаю, кем именно. Я ничего о них не знаю, кроме того, как их зовут. Гриффин и Эрин Пирс. И, если верить Минди, они тоже ничего обо мне не знают. Ее мама сказала, что будет лучше, если мы познакомимся лично, чем если кто-то другой все о нас расскажет.

Я оглядываю ресторан и пытаюсь угадать, как они выглядят. Вон парочка за поздним обедом. Или ранним ужином. Обоим лет по тридцать пять. Мужчина крепкий, как полицейский, или, может, пожарный. Женщина миниатюрная, она вполне могла бы быть, например, медсестрой. Да, пожарный и медсестра. Из них получатся хорошие родители, правда ведь? Женщина смотрит на меня, и я застываю на месте. *О боже, неужели это они?* Тут у меня из-за спины выходит Минди и несет им счет.

– Дыши, Скайлар, – произносит она, проходя мимо меня.

Мои сотрудники наверняка заметили, что я весь день как на иголках, но только Минди знает о том, что происходит.

Я подхожу к бару налить себе воды: от волнения у меня совсем пересохло во рту. Пока наш бармен Трент наливает мне стакан воды, я замечаю несколько компаний мужчин, которые неплохо проводят время в наш «счастливый час». Некоторые из них отрываются от разговора и разглядывают меня, пока я оглядываюсь по сторонам. *Проходите мимо, мальчики. Эти ноги закрылись.*

Вон женщина сидит одна за барной стойкой. Она пристально разглядывает присутствующих мужчин, вероятно, ищет себе пару на сегодняшний вечер. *Шлюха.*

«Пфф. Лицемерка», – упрекаю я себя.

Мой взгляд падает на мужчину, который сидит в одиночестве на высоком барном стуле. Он читает журнал и совершенно не замечает женщину, которая пытается обратить на себя его внимание. Он сногшибателен. *Мужчина может быть сногшибательным?* У него чрезвычайно темные волосы – черные как смоль. Они спадают до уровня воротника и загибаются на кончиках. Когда он читает, он убирает с глаз прядь волос. На нем джинсы, серая футболка и голубая рубашка. Рукава закатаны до локтя, и на внутренней стороне предплечья видна татуировка, которую я не могу как следует рассмотреть.

Он поднимает глаза и ловит мой взгляд. Я не могу отвести глаз, потому что его глаза... они просто невероятные. Его серые глаза – точно такого же цвета, как и его футболка, – гипнотизируют меня, а уголки его губ приподнимаются в улыбке, которая делает его лукавое лицо

³ «Степфордские жены» – фантастический роман Айры Левина, в котором женщины стремятся стать идеальными домохозяйками.

еще более притягательным. Его сильные челюсти покрыты щетиной – столь же темной, как и его грива. Интересно, он несколько дней не брился или у него столько тестостерона, что к пяти часам дня у него всегда отрастает такая щетина?

Бросив на меня быстрый взгляд, он столь же быстро возвращается к чтению журнала, лишь мельком взглянув на входную дверь. Я сижу у барной стойки и сожалею, что этот краткий миг закончился. Я уже почти хочу выкинуть из головы всю эту идею с суррогатным материнством и залезть на его сногшибательные колени.

Возьми себя в руки, Скайлар. Я иду в туалет и умываюсь. Потом опираюсь на раковину и делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Потом разглаживаю платье, провожу рукой по своему плоскому животу и размышляю, останутся ли от него через несколько месяцев лишь далекие воспоминания.

Я поправляю хвостик, размышляя, не распустить ли свои темно-русые волосы. Когда я убираю свои длинные волнистые волосы наверх, я выгляжу суровой, как заучка-библиотекарша. Но зато так их легче убирать под сеточку или под кепку, когда я работаю на кухне. В итоге я решаю оставить хвостик. Если им не понравится, как я выгляжу, ну и черт с ними. Буду вынашивать потомство кому-нибудь другому. Я смотрю в свои зеленые глаза и произношу про себя ободряющую речь, потом возвращаюсь в ресторан.

Минди хватается меня за руку и отводит в сторонку.

– Они пришли! – сообщает она.

У меня учащается сердцебиение, а глаза быстро и оценивающе осматривают пары, сидящие в главном зале.

– Они в баре. Он ужасно сексуальный. А она выглядит так, словно только что сошла с подиума на показе мод. Эта женщина очень милая: подошла ко мне и спросила, как ей найти самую потрясающую из всех девушек, когда-либо живших на земле.

Я делаю глубокий вдох и выпаливаю:

– Была не была!

– Давай. Ни пуха ни пера! – говорит она. – Подожди-ка, есть какое-нибудь специальное пожелание для людей в похожей ситуации?

– Как насчет «побыстрее тебе залететь»? – неловко смеюсь я и направляюсь к бару.

Как только я подхожу к стойке администратора, я сразу же замечая женщину, про которую говорила Минди. За тем же столиком, за которым сидел великолепный тестостероновый мужчина. Она стоит и наклоняется через стол. Черт, у нее просто километровые ноги! Длинные светлые локоны свободными волнами спадают ей на спину. У нее идеальная фигура типа «песочные часы», тонкая талия, расширяющаяся в хорошо сложенные бедра, скрытые под дизайнерской юбкой-карандаш.

Я смотрю на свое не ахти какое платье, прикрывающее мои не ахти какие изгибы, – и внезапно осознаю, что завидую ей. Я завидую женщине, которая стала бесплодной, потому что рак отнял у нее возможность иметь детей.

Я качаю головой от своей бессердечности и потираю шею, чтобы избавиться от напряжения.

Поцеловав мужа, она выпрямляется и садится, а я останавливаюсь в изумлении, потому что ее поцелуй и в самом деле предназначался Великолепному Мистеру Тестостерон.

Черт возьми, это будущий отец ребенка?

На дрожащих ногах я подхожу к столику и представляюсь.

– Э-э-э, привет. Я Скайлар Митчелл, – произношу я, оставив всю свою уверенность где-то у стойки администратора.

– Ой, Скайлар! – Женщина встает и заключает меня в объятия, ее большая грудь сдавливает мою – существенно более скромную. – Мы так рады с тобой познакомиться. Я Эрин, а это Гриффин.

Я скрепя сердце хлопаю ее по спине. Я не испытываю большого энтузиазма к таким проявлениям симпатии. Я неловко оглядываю бар, а она продолжает душить меня в объятиях.

– М-м-м, я тоже рада с вами познакомиться, – произношу я, когда она наконец меня отпускает. – Принести вам что-нибудь выпить?

Эрин качает головой:

– Трент сейчас принесет нам воды. Спасибо!

Потом кивает на табурет рядом с собой:

– Садись.

Я смотрю, как она садится и скрещивает свои точеные ноги. Я сажусь, но промахиваюсь мимо табурета и соскальзываю вбок, но я не успеваю растянуться на полу, потому что Гриффин меня подхватывает.

– О боже, – произношу я, приглаживая платье и высвобождаясь из его сильных мускулистых рук. – Черт побери! Клянусь, что обычно я не такая неуклюжая. То есть я не буду все время падать с вашим ребенком и все такое. Я буду очень осторожна. И не буду чертыхаться. Не знаю, слышат ли они там внутри, но не буду... – Я замолкаю на середине предложения, осознав, что несу какую-то околесицу; они, наверное, уже решили, что я сумасшедшая. – Простите. Я лучше помолчу.

Из груди Эрин раздается глубокий, низкий смех.

– Все в порядке, Скайлар. Мы тоже очень волнуемся.

– Ох, это хорошо, – признаюсь я. – А то я думала, что я одна такая.

Гриффин протягивает мне руку.

– Спасибо, что согласилась с нами встретиться.

У него соблазнительно мягкий голос – как выдержанный виски. Я все еще ощущаю его сильный терпкий запах, который вызывает у меня неуместные мысли, например, предложить извлечь его сперму своим пульсирующим оргазмом.

Я кладу свою маленькую ладошку в его большую руку и пытаюсь не обращать внимания на искру, которая поднимается по моей руке, пробегает по груди – и попадает прямо внутрь. Я намеренно избегаю зрительного контакта, помня о взгляде, которым мы обменялись всего несколько минут назад.

Подождите-ка! Подождите секундочку, черт побери! Несколько минут назад мы обменялись многозначительным взглядом. А теперь он сидит тут и ждет, что я одолжу ему свою матку и буду выращивать в ней ребенка для его неверной лживой задницы?

Трент приносит нам воду.

Нервничающая Эрин делает большой глоток из своего стакана и обращается ко мне:

– Скайлар, мне нужно в туалетную комнату. Подскажи, пожалуйста, где она находится?

Я указываю ей на туалеты в задней части ресторана и наблюдаю, как Эрин грациозно выходит из-за столика. Потом перевожу взгляд на Гриффина. Я морщу губы. Мои брови ползут вверх, а руки скрещиваются на груди. Я готова в бараний рог свернуть его неверную сексуальную задницу.

Гриффин в недоумении оглядывается назад, потом снова смотрит на меня.

– Ты в порядке?

– В порядке ли я? – переспрашиваю я, пригвозждая его к месту обвиняющим взглядом. – Пять минут назад ты трахал меня взглядом, а теперь хочешь, чтобы я одолжила вам свои женские прелести?

Он открывает рот от изумления.

– Тра... э-э-э... ничего подобного, – он потирает щетину на щеках. Затем издает низкий, хриплый нервный смешок. – Мисс Митчелл, позволю себе быть откровенным: когда я поприветствовал вас чуть раньше, я просто улыбнулся красивой женщине, которая, как я заметил, на меня смотрит. – Его стальные глаза выдерживают мой взгляд, а брови напряженно сходятся

вместе. – Уверяю вас, я не намерен «трахать вас взглядом», как вы красноречиво выразились, а также не собираюсь трахать никаким другим образом никого, кто в настоящий момент не является моей женой. Я никогда этого не делал и никогда не сделаю.

Меня неожиданно охватывает волна стыда с легкой ноткой разочарования. Меня не так-то легко смутить. Я даже никогда не краснею. Как выясняется, за исключением тех случаев, когда Гриффин Пирс ставит меня на место.

Он прав. Как я могла найти такой скрытый смысл в простой улыбке? Наверное, это потому, что в тот момент я была прежней Скайлар, которая готова замутить с каждым счастливым обладателем накаченных мускулов и презерватива в кармане.

– Называй меня Скайлар. Подожди-ка, никогда? – Я скептически приподнимаю бровь, выражая сомнение в правдивости его слов. – То есть Эрин – единственная женщина, с которой ты был?

Гриффин кивает:

– Мы встречались со старших классов школы.

Ну разумеется. Черт, моя сестра, наверное, напишет про это книжку. Двое влюбляются друг в друга в старших классах, женятся, теряют возможность иметь детей из-за рака, находят женщину, которая вынашивает им ребенка, а потом живут долго и счастливо. Теперь мне все ясно.

Каблучки стучат по бетонному полу у меня за спиной.

– Грифф, ты ее не спугнул?

– Нет, милая.

Он встает и помогает ей сесть на стул. Наверное, он теперь считает, что эти стулья опасны.

Эрин садится и накрывает руку Гриффина ладонью.

– Хорошо, наверное, мы должны рассказать тебе о себе. – Она дарит мне лучезарную улыбку. – Нам обоим по двадцать семь лет. Мы выросли в Огайо, начали встречаться в последнем классе школы и потом вместе учились в Нью-Йоркском университете. Гриффин – независимый фотограф, он снимает все – от предметных фотографий до фотосессий для гляцевых журналов. Я учу второклашек в школе в Манхэттене. Я заболела раком, когда мне было восемнадцать, вскоре после того, как мы начали встречаться. Рак шейки матки, вторая стадия. Я прошла химио- и лучевую терапию, но они не дали результата, поэтому мне пришлось сделать гистерэктомию – удалить всю матку целиком.

Эрин бросает на Гриффина растроганный взгляд.

– Гриффин был рядом со мной тогда – и остается рядом до сих пор.

Потом она снова поворачивается ко мне.

– Я всегда хотела детей, но Гриффин был не уверен. То есть у него нет никакого опыта общения с детьми. Я работаю с ними каждый день и знаю, какими чудесными они бывают. В конце концов я его уговорила, и теперь мы готовы. Вообще-то мы были готовы еще несколько лет назад, но никак не могли найти агентство, которое позволило бы нам усыновить ребенка или нашло бы для нас суррогатную мать.

Она в волнении водит пальцем по ободку стакана с водой.

– У тебя есть к нам вопросы?

Я все еще перевариваю *рак в восемнадцать лет*. Это, наверное, было ужасно.

– Ну, я бы хотела спросить, почему агентства не разрешают вам усыновить ребенка? У тебя же больше нет рака, верно?

Эрин качает головой:

– Рака нет, но агентства очень тщательно все проверяют, а в моей семье, к сожалению, длинная история рака и болезней сердца. Прибавь к этому мой медицинский анамнез, и ты поймешь, что я далеко не идеальный кандидат на роль молодой матери.

– То есть они лишают тебя права на усыновление на основании того, что ты болела раком, которого у тебя больше нет, и прочей фигни, которая может никогда даже и не случиться? – спрашиваю я, запоздало укоряя себя за сквернословие.

– Да, это довольно точное описание, – говорит Эрин. – Расскажешь нам о себе?

– Ну, мне двадцать четыре года. Я управляю этим рестораном. Вы, наверное, догадались из названия. Это ресторан моих родителей. У нас есть еще один ресторан в городке Мейпл-Крик в штате Коннектикут, а третий откроется в этом году на Лонг-Айленде. У меня две сестры: старшая и младшая. Я не принимаю наркотики – если не считать сигаретки время от времени и алкоголя, – но я обещаю, что не стану пить и курить, если забеременею. Я обожаю кататься на велосипеде по городу. У меня всегда было хорошее здоровье. Я никогда не была замужем и не была беременна, но... э-э-э... думаю, мои органы в полном порядке.

– Ты кажешься очень разносторонним человеком, Скайлар, – говорит Эрин.

Я пытаюсь скрыть недовольство собой и складываю свои беспокойные руки перед собой на столе. *Если бы она знала хотя бы половину правды!*

– Есть еще одна вещь, которую тебе нужно о нас узнать, – говорит Гриффин, грустно глядя на Эрин.

Она кивает ему в знак согласия.

– Полная откровенность, – говорит она.

– А? – спрашиваю я, не понимая, о чем они говорят.

– Прежде чем углубиться в этот процесс, мы должны абсолютно честно все тебе рассказать. Я не хочу обманом заманить тебя во что-то, а потом поменять правила игры, – объясняет Эрин.

– Мне показалось, что все довольно ясно. – Я перевожу взгляд с одного из них на другого.

– Я уже могу сказать, что очень рада и очень хочу, чтобы ты выносила для нас ребенка. – Эрин ковыряет ноготь – еще один признак того, что она очень взволнована. – Когда у меня вырезали матку, мне оставили яичники, потому что я была очень молода, хотя врачи сказали, что радиация и химиотерапия, скорее всего, окажут негативное воздействие на яйцеклетки. Но мне было восемнадцать лет, я была совершенно сломлена диагнозом «рак» и даже думать не могла о лечении бесплодия, которое требовалось для извлечения яйцеклетки – ведь оно отсрочило бы лечение рака. Но волею судьбы несколько лет назад у меня началась ранняя менопауза. Такая вероятность всегда существовала. Мы просто надеялись, что этого не произойдет так рано. Я пытаюсь сказать, что у меня нет яйцеклеток. Нам придется использовать твои.

Эрин переводит взгляд с меня на Гриффина, он ободряюще улыбается ей и кивает, чтобы она продолжала.

– Строго говоря, этот ребенок будет твой и Гриффина, поэтому тебе придется не только стать суррогатной матерью, но и юридически отдать собственного ребенка на усыновление.

Ее полная откровенность вызывает у меня восхищение. Она могла бы подождать и рассказать мне об этом после того, как у нас установятся хорошие отношения. Она могла бы, как она сказала, заманить меня во все это, используя приманку. Но она этого не сделала. Ей также вовсе не обязательно было рассказывать мне про свою семейную историю. Откуда бы я вообще про нее узнала? Она просто взяла и выложила все карты на стол.

Я решаю сделать то же самое.

– Вы еще не спросили, почему я хочу стать суррогатной матерью, – говорю я.

Эрин небрежно ставит локти на стол.

– Я как раз собиралась. Почему ты думаешь, что сможешь это сделать, ведь у тебя никогда не было детей?

– Полная откровенность? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста, – говорит Эрин, бросая нервный взгляд на Гриффина.

– Меня трудно назвать морально устойчивым человеком. Еще несколько недель назад я... м-м-м... злоупотребляла выпивкой. И... м-м-м... мужчинами.

Я стыдливо смотрю на Эрин, которая смотрит на меня с сочувствием, и на Гриффина, но не могу понять, что скрывается за его непроницаемым видом.

– Я ни разу не влюблялась и не собираюсь этого делать. Я даже не так уж люблю детей, ну, за исключением моего племянника и детей Криса – менеджера ресторана «У Митчелла» в Мейпл-Крик. И эти дети мне нравятся только потому, что мне не нужно ими заниматься весь день. Так бы я не смогла. Я не создана для того, чтобы быть матерью. Просто однажды я проснулась и захотела изменить свою жизнь. Я поклялась отказаться от вредных привычек и сделать что-то по-настоящему важное. Надеюсь, что суррогатное материнство считается.

Я смотрю Эрин прямо в глаза:

– Вам не о чем беспокоиться. Обещаю, что не влюблюсь в вашего ребенка.

Она хватается меня за руку. Я вижу, что у нее из глаз вытекает слезинка.

– Это просто невероятно! – Второй рукой она вытирает слезы. – Гриффин подтвердит, что я верю в судьбу. Я верю, что нас свела судьба, Скайлар. Я верю, что больше никто не захотел бы выносить для нас ребенка. Верю, что больше никто не захотел бы, чтобы ты стала их суррогатной матерью.

Мы обе смеемся.

– Пожалуй, ты права, – говорю я. – Ну, может, не во всей этой вере в судьбу, но в том, что никто больше не захотел бы, чтобы их ребенок рос в моей распутной матке.

– Значит, ты все же подумаешь об этом? – с надеждой спрашивает Эрин.

Я бы только чувствовала себя виноватой, если бы отказала этой женщине вправе иметь ребенка, раз я, кажется, ее единственный шанс, – мне к тому же нравится, что ее фантастически прекрасный муж не был ни с кем, кроме нее. Может, мне передалась романтическая настроенность Бэйлор?

К тому же Эрин – самая милая женщина из всех, кого я знаю. Она вполне могла бы обходиться за счет своей внешности, но вместо этого использует свои интеллектуальные способности. Она моя полная противоположность.

– Ну конечно, – говорю я.

Гриффин нерешительно поднимает руку.

– Подождите. Нам еще столько всего нужно обсудить. Скайлар нужно просмотреть договоры. И, разумеется, ей придется пройти медицинское обследование, учитывая ее вызывающее прошлое и все такое.

– Грифф! – одергивает его Эрин.

– Нет-нет, все в порядке, – говорю я. – Я проверюсь. Я полностью понимаю, что вы не хотите, чтобы ваш ребенок жил в помойке с сифилисом и гонореей.

Гриффин достает бумаги из сумки с фотоаппаратом, которая стоит у него под ногами.

– Мы подготовили юридические документы. Ты можешь взять их домой и ознакомиться. Я бы также посоветовал тебе проконсультироваться с юристом. И еще есть вопрос компенсации. Разумеется, мы оплатим все медицинские расходы, но сколько ты хочешь сверх этого?

– В смысле, сколько стоит аренда моего инкубатора?

– Да, – говорит он, не смеясь над моей попыткой пошутить.

– Нисколько. Это противоречило бы причинам, по которым я хочу это сделать, – говорю я.

Гриффин скептически смотрит на меня.

– Должно же быть хоть что-то, – говорит Эрин.

Я смотрю на ее стильную одежду. Слишком стильную для учительницы второго класса. Очевидно, она знает толк в моде.

– Ну, вы могли бы снабдить меня одеждой для беременных, в которой я не буду похожа на мешок с картошкой.

Эрин смеется:

– Договорились. Что еще? Должно же быть что-нибудь еще.

Я непринужденно пожимаю плечами.

– Если вам от этого будет легче, можете оплатить мне подтяжку живота после родов.

Эрин искренне улыбается мне:

– Судя по тому, что я вижу, она тебе не потребуется. Но если понадобится, я отведу тебя к лучшему пластическому хирургу в Нью-Йорке.

Мы разговариваем еще несколько часов. Минди приносит нам еду, и мы продолжаем узнавать друг друга. Эрин рассказывает про своих второклашек. Я вижу, что она обожает детей. Сразу видно, что она хочет быть максимально вовлечена в беременность и ходить со мной на все обследования и курсы для будущих мам.

К концу беседы мы с Эрин уже хорошо подружились. Гриффина же я, наоборот, никак не могу понять. Я наблюдала за ним во время обеда. В основном чтобы понять, сказал ли он правду раньше. Он был со мной любезен. Приветлив. Даже дружелюбен. Но его внимание явно было сосредоточено на Эрин. Совершенно очевидно, что он нежно ее любит. Может, он так скептически настроен из-за того, что все происходит очень быстро. Но я считаю, какого черта! Все или ничего! Даже если это означает, что мне придется девять месяцев пускать слюнки, глядя на мужа Эрин.

Наверное, во время обеда я сказала что-то правильное. Потому что, когда мы уже собрались уходить, Гриффин произносит:

– Ладно. Давайте попробуем.

Я вспоминаю, как всего несколько недель назад произнесла те же самые слова дома у Бэйлор.

Я смотрю на Эрин, и мы обе улыбаемся.

– Давайте попробуем, – повторяю я.

Глава 3

Эрин нервничает. У нее дрожит нога. И она опять ковыряет ноготь. Она всегда так делает, когда волнуется. Я узнала это за последние три месяца. Мы с Эрин стали практически неразлучны. Ну, когда она не на работе и когда я не на работе, то есть на самом деле мы проводим вместе всего несколько часов в неделю.

Но сегодня она смогла вырваться из школы пораньше, чтобы сходить со мной на наше первое УЗИ. Наш срок уже восемь недель. Нам хватило всего двух попыток, чтобы забеременеть. Я все еще морщусь, когда вспоминаю первое оплодотворение. Помню, как я лежала на столе, мои ноги стояли на подставках, я была совершенно голая ниже пояса, но не могла думать ни о чем, кроме того, чем сексуальный муж Эрин занимался всего несколько минут назад в соседней комнате, чтобы получить сперму для моего потенциального оплодотворения. Я представляла себе, как он смотрит на меня своими знойными серыми глазами и ласкает себя, пока весь не напряжется и не кончает на меня, выкрикивая мое имя.

Но тут Эрин прервала мои чудовищно неуместные фантазии, протянув мне пачку открыток, сделанных для меня ее второклассниками. Я отвесила себе воображаемую пощечину и стала читать открытки. Я внимательно читаю каждое слово, чтобы отвлечься от того, как врач вводит через влагалище в матку шприц со спермой Гриффина, которую быстренько «промыли» – *она что, была грязная?!* – где она встретится с яйцеклеткой, которая, я надеюсь, уже спустилась туда по фаллопиевой трубе. Мы решили, что я обойдусь без репродуктивного лечения, за что я была очень благодарна. Я даже представить себе не могла, что мне, возможно, пришлось бы вынашивать близнецов. Слава богу, что они согласились!

Я смотрю на Эрин, она взволнованно улыбается мне, пока мы ждем, когда нас позовут и мы впервые увидим изображение ее ребенка. Она каждый раз подпрыгивает на месте, когда медсестра выходит и вызывает кого-то другого. Если желание иметь ребенка оказывает такой эффект, то мне такого совсем не надо.

Эрин была просто невероятна. Каждые две недели она баловала меня маникюром-педикюром. А вскоре после того, как палочка, на которую я пописала, посинела, она отвела меня и мою очень беременную сестру Бэйлор в спа-салон. Я так понимаю, деньги для них не проблема. Эрин – простая учительница, так что Гриффин, наверное, очень хороший фотограф.

Эрин даже не расстроилась, когда после первой попытки тест на беременность оказался отрицательным. Она пришла ко мне за несколько дней до того, как у меня должны были начаться месячные, и принесла с собой пять тестов на беременность, бутылку безалкогольного яблочного сидра и бутылку шампанского. Я, конечно, решила, что шампанское она принесла для себя, если тест окажется положительным. Но нет.

Когда тест оказался отрицательным, Эрин просто поставила сидр в шкафчик на кухне, собрала тесты, выбросила их в мусорное ведро и сказала:

– Ну, в первый раз редко у кого получается.

Не было никаких слез. Никакого расстроенного вида. Никакого сквернословия – не то чтобы она вообще сквернословила.

Потом, к моему удивлению, она осторожно открыла бутылку дорогого брЮта и налила нам обеим по бокалу.

– Почему мы пьем шампанское? Ведь праздновать-то нечего, – спросила я.

– Ну, во-первых, ты не пила алкоголь... сколько? Два месяца?

Я кивнула, и Эрин протянула мне бокал:

– Ты это заслужила. И мы *празднуем*. Мы празднуем то, что ты есть и что ты делаешь для нас эту невероятную вещь. И то, что я по-настоящему счастлива оттого, что в моей жизни появилась новая подруга.

- Ладно. – Я подняла свой бокал. – За новых друзей!
- От улыбки ее глубокие голубые глаза стали еще ярче.
- За новых друзей! – повторила она, чокаясь со мной.

Я смаковала первый алкогольный напиток, который пила за несколько месяцев, в то же время осознавая, что на самом деле не так уж сильно скучала по алкоголю. Говорят, на то, чтобы избавиться от привычки, уходит двадцать один день. И это правда: в первые несколько недель мне было тяжело. Но Эрин все время присылала мне воодушевляющие эсэмэски. Иногда она приходила в ресторан сразу после школы – просто поздороваться. Она вплелась в мою жизнь, но сделала это совершенно ненавязчиво. У меня сложилось впечатление, что у нее не очень много друзей. Я никак не могла понять почему, ведь она, кажется, самый милый человек из всех, кого я знаю. Так что мне показалось естественным пригласить ее на встречу со своими подругами. С тех пор мы с Бэйлор, Минди и Дженной относимся к ней как к утраченной когда-то сестре.

Через месяц Эрин снова появилась у меня с пятью тестами на беременность и еще одной бутылкой шампанского, которую мы так и не открыли. Мы открыли яблочный сидр и подняли тост за ее ребенка, после чего она позвонила Гриффину и сообщила ему радостную новость. Эрин чуть в обморок не упала от радости. Клянусь, что она упала бы на пол, если бы я ее не подхватила и не помогла ей добраться до дивана, а потом не положила ей на лоб холодный компресс. Она явно была вне себя от счастья. А я... я просто сидела ошеломленная и думала, во что же я вляпалась и не слишком ли поздно пойти на попятную.

– Я же не опоздал, правда? – спрашивает Гриффин, входя в медицинский кабинет и отрывая меня от своих мыслей.

Я смотрю прямо на его пах. Я ничего не могу с этим поделать. Это происходит непреднамеренно. Но с того момента, когда я представила, как он мастурбирует в соседней комнате, я не могу не думать о его анатомии каждый раз, когда мы встречаемся.

– Нет, нас еще не вызывали. – Эрин наклоняется и целует его.

– Впрочем, я все равно собирался посидеть тут и подождать вас. – Он усаживается на стул рядом с Эрин.

– Что?! Блин, это просто глупо! – Я морщусь от выбранных слов. – Простите.

Перестать ругаться оказалось сложнее, чем бросить пить и отказаться от мужчин.

– Это же ваш ребенок. Вы оба должны там быть.

Эрин хватается меня за руку, а ее глаза затуманиваются от слез.

– Мисс Митчелл? – вызывает меня медсестра.

Мы троим переглядываемся в радостном возбуждении – ну или, может, в панике – и заходим в кабинет.

Врач УЗИ просит меня раздеться ниже пояса и лечь, как для гинекологического осмотра. Она накрывает нижнюю половину моего тела простыней, а затем приглашает в кабинет Эрин и Гриффина. Они садятся напротив врача и монитора.

Затем врач берет какую-то длинную палочку – она даже тоньше, чем мой вибратор. Кажется, на палочку надет презерватив. Врач наносит смазку, и я хихикаю, приподнимая брови. Врач говорит:

– Расслабьтесь, это совсем не больно.

Я бросаю взгляд на Эрин, которая нервно ерзает на стуле, и на Гриффина, который выглядит смущенным, а врач вводит палочку в меня.

– Мы сможем установить предполагаемую дату родов и, возможно, даже увидим сердцебиение вашего ребенка, – с улыбкой говорит мне врач.

– Это не мой ребенок. Это их ребенок, – я указываю на Эрин и Гриффина. – Я просто инкубатор.

– А-а-а, так вы суррогатная мать? Классно, – говорит она.

– Это действительно классно, – соглашается Эрин. – Целиком и полностью. Она улыбается мне.

Палочка двигается внутри меня, а врач что-то печатает на клавиатуре. Потом ее рука замирает.

– Вот, – она указывает на монитор. – Вон та маленькая штучка, похожая на горошинку, это ваш ребенок, – говорит она, глядя на Эрин.

Эрин одновременно хватается за руки. Я вижу на мониторе маленькое быющее сердечко и по-настоящему счастлива. Я счастлива за Эрин, потому что у нее будет ребенок, которого она всегда хотела. Я счастлива за себя, потому что у меня нет никаких врожденных материнских чувств к горошинке на экране.

Я осознаю, что уже даже не смотрю на монитор. Я смотрю на эмоции, отражающиеся на лице у Эрин. Она делает глубокий вдох. Ее глаза наполняются слезами. Она потеряла дар речи. Она с раскрытым ртом впитывает самое первое изображение ее ребенка.

Ее ребенка... *их* ребенка. Я ни разу не подумала о нем как о своем ребенке. Я отношусь к этому, как к пожертвованию. Может, этот ребенок и растет в моем теле, но от этого он не перестает быть их ребенком. Я просто храню его для них до поры до времени.

Я перевожу взгляд на Гриффина и вижу, что он делает то же самое – смотрит на Эрин. Совершенно очевидно, что он делает это ради нее. Не то чтобы он не любил детей. Он несколько раз играл с Мэддоксом, когда мы все ходили в гости к Бэйлор. Я точно знаю, что он будет прекрасным отцом. Просто... сразу видно, что для Эрин быть матерью – мечта всей жизни. И хотя это, может, и не мечта Гриффина, он не лишит Эрин такой возможности.

Врач рассказывает нам про ребенка: рост, вес, предполагаемая дата родов. Она распечатывает изображение, и Эрин внимательно его разглядывает, пока меня приводят в порядок.

Эрин передает фотографию Гриффину, наклоняется и обнимает меня.

– Я люблю тебя, Скайлар Митчелл, – всхлипывает она. – Ты знаешь, как я тебя люблю? Ты хотя бы понимаешь, какой невероятный подарок ты нам делаешь?

Глаза у меня щиплет от слез. Я чувствую себя чуть ли не эгоисткой. Все это время я хотела именно этого. Гордиться собой за то, что сделала что-то важное. Тем не менее мне кажется, что я не заслуживаю ее похвал. То, что я для них делаю, кажется таким простым. Я бы без колебаний сделала это снова.

Я, не задумываясь, выпаливаю:

– Я буду рада помочь вам подарить Горошинке братика или сестренку, если вы когда-нибудь захотите.

Эрин кладет голову мне на грудь, все еще не разжимая объятий.

– Ты самый невероятный человек, который когда-либо жил на земле. Тебе это известно?

Я перевожу смущенный взгляд на Гриффина – он смеется над удушающим объятием Эрин. Потом вопросительно приподнимает бровь.

– Горошинке? – переспрашивает он.

Я просто киваю и пытаюсь не обращать внимания на электрический разряд, который пронзает меня, когда Гриффин мягко гладит меня по руке.

– Ты моя лучшая подруга, – внезапно выпаливает Эрин однажды за обедом, на который она меня пригласила. – Я знаю, что у тебя много других подруг, и знаю, что ты думаешь, что я говорю так только потому, что ты делаешь для меня эту замечательную вещь. Но ты ошибаешься. Я думаю, что ты веселый, добрый, щедрый человек, и я горжусь знакомством с тобой.

Может, мне не стоило этого говорить. Возможно, это покажется тебе неискренним. Но у меня не так много подруг. – Эрин жестом указывает на свое тело. – У женщин это обычно вызывает комплекс неполноценности, так что мне нелегко заводить подруг. Но тебя это, кажется, совсем не смущает. И я хочу, чтобы ты знала: даже несмотря на то, что не я твоя лучшая подруга, ты – моя лучшая подруга.

Я грустно улыбаюсь ей и смотрю в свою тарелку с салатом.

– Я думала об этом. Если честно, много думала. Эрин, ты же понимаешь, что, когда родится ребенок, вся эта ситуация может стать очень неловкой. Я пойму, если ты не захочешь со мной общаться после родов. Я хочу сказать, что на твоём месте я бы не захотела, чтобы я оставалась поблизости или чтобы у Горошинки возникли вопросы, кто я такая и тому подобное.

Эрин протягивает руку и накрывает мою ладонь.

– Ты серьезно? Ты тетя Скайлар! – восклицает она. – Я ни секунды не думала, что вырву ребенка у тебя из рук и больше никогда тебя не увижу. Я не такая. И Гриффин тоже. Я из большой семьи, Скайлар. Я знаю лучше, чем кто бы то ни было, что нужна целая деревня, чтобы вырастить одного ребенка. Мы с Гриффином это уже обсуждали. Как только ребенок подрастет, мы расскажем ему или ей, какую замечательную вещь ты сделала. Я бы ни за что не стала держать это в тайне. Нам нечего скрывать, и я хочу, чтобы ты была частью нашей семьи. Я именно это имела в виду, когда сказала, что люблю тебя.

– Как у тебя может не быть друзей, Эрин? Вполне вероятно, что ты самый милый, самый искренний человек, которого я знаю, – говорю я. – И, кстати, ты действуешь и на мою самооценку тоже. Ты прекрасна. Большинство женщин полцарства отдали бы за твои волосы. У тебя прекрасная грудь. Ты супермилая. И у тебя чертовски сексуальный муж. Как можно такому не позавидовать?

Эрин смеется:

– Ты все еще не поняла, да? Это я завидую. Ты ведешь такую беззаботную жизнь. Ты всегда была здорова. Ты можешь родить ребенка – чего я никогда не смогу. И ты даже не осознаешь, насколько ты красива. Особенно сейчас. То, что говорят про сияние беременной женщины, – это, знаешь ли, правда.

Она делает глоток своего чая со льдом, а я внимательно смотрю на нее, пытаюсь увидеть себя с ее стороны. Потом Эрин хихикает:

– Значит, ты считаешь моего мужа сексуальным?

– И ты еще *спрашиваешь*?! Я же не слепая, – отвечаю я. – Тебя не смущает, что женщины испытывают к нему влечение? М-м-м, ну то есть не я, а другие женщины. – Я очень плохо вру.

Эрин пытается сдержать улыбку.

– Нет. Не очень, – говорит она. – Я знаю, что если он не бросил меня, когда я была лысая и больная, то скорее всего, он не сделает этого и сейчас.

– Он хороший человек, раз остался с тобой.

– Не то слово! – соглашается она. – Мы даже не были влюблены друг в друга, когда он начал обо мне заботиться. Мы встречались всего месяц, когда мне поставили диагноз в последнем классе школы. Я сразу начала химио- и лучевую терапию. Я потеряла волосы. Я ужасно исхудала. Меня тошнило почти каждый день на протяжении нескольких месяцев. Большинство моих подруг испугались «девушки, больной раком». Но только не Гриффин. Думаю, это потому, что он уже проходил через все это раньше.

– Когда? – с ужасом спрашиваю я. – У него до тебя была еще одна девушка, которая тоже заболела раком?

– Нет. Это была его мама, – говорит она. – Она умерла от рака груди, когда ему было пятнадцать лет. Его отец начал пить, а Гриффин заботился о матери. Вообще-то я очень удивилась, когда он сказал, что не оставит меня, ведь он прекрасно знал, что все вполне может

закончиться очень плохо. Но он, казалось, всегда знал, что мне было нужно, причем именно в тот момент, когда мне это было нужно. После операции я думала, что он меня бросит, потому что у меня не может быть детей. Но именно тогда он сказал, что любит меня, – в больнице, когда я только-только пришла в себя после гистероэктомии. Он сказал, что любит меня и всегда будет заботиться обо мне.

– Это ужасно, – говорю я. – Не то, что он остался с тобой, а вся эта история про его маму.

– Да, ему было тяжело, ведь ему пришлось стать старшим в семье в столь раннем возрасте. Через несколько лет после смерти матери его отец все же прошел курс реабилитации, но их отношения было уже не восстановить.

На губах у Эрин появляется улыбка.

– Кстати, тогда он и стал фотографом. Когда его мама умирала. Он хотел, чтобы у него остались на память ее фотографии, так что в последние месяцы ее жизни он сделал тысячи снимков. Да, кстати, на следующей неделе Гриффин едет в Африку на съемку для *National Geographic*. Представляешь?

– Охренеть! Правда, что ли? – восклицаю я.

В ответ на мой ляпсус Эрин разражается смехом. Потом внезапно хватается за виски и морщится от боли.

– Ты в порядке? – Я кладу руку ей на плечо. – Что случилось?

Эрин не отвечает. Она делает несколько глубоких вдохов, словно у нее схватки. Она стонет, закрывает глаза, и я вижу, как на верхней губе у нее проступают капельки пота.

– Эрин, ты в порядке? – снова спрашиваю я, хотя не вполне уверена, что она меня вообще слышит.

Наконец она слабо кивает и продолжает потирать виски.

– Да, кажется, у меня начинается мигрень. Они случались у меня раньше, когда у меня началась... началась... – Она беспомощно смотрит на меня.

– Менопауза? – подсказываю я, заканчивая предложение, которое она не смогла закончить от боли.

– Да. Менопауза, – говорит она.

Я машу официантке и прошу счет.

– Пошли! – Я быстро кладу на стол несколько купюр. – Надо отвезти мою лучшую подругу домой.

Глава 4

Эрин написала, что мне нужно быть дома ровно в десять часов, чтобы принять доставку. Без проблем. В последние несколько недель меня каждое утро рвет до посинения, так что я не выхожу из квартиры раньше полудня. И хотя мы мало виделись с Эрин после нашего последнего совместного обеда, она посылает мне милые посылочки с крекерами, имбирными напитками, зелеными яблоками и всем прочим, что должно помогать при токсикозе.

Я начинаю опасаться, что она могла передумать относительно нашей дружбы. Может, она говорила про лучших подруг и «тетю Скайлар», потому что все еще была в экстазе после УЗИ. Вполне возможно, что, вернувшись домой, она все обдумала и теперь специально отдалается от меня, чтобы все было не так ужасно, когда она выбросит меня на помойку, как только родится Горошинка.

Я как раз заканчиваю чистить зубы после последнего приступа рвоты, когда слышу звонок в дверь. Очень удачно: у меня есть почти час, прежде чем меня снова вырвет. Каждый день происходит одно и то же. Три приступа рвоты с интервалом в час. Положительная сторона заключается в том, что за десять недель я набрала всего полкилограмма.

Я смотрю в глазок и вижу темную копну растрепанных, но в то же время идеальных волос.

Гриффин Пирс.

Не осознавая, что делаю, я поднимаю руки и распускаю хвостик. Потом оглядываю свою одежду, чтобы убедиться, что не забрызгала ее рвотой. Посылая миллион благодарностей за то, что только что почистила зубы, я медленно открываю дверь, обещая себе не смотреть на его пах.

– Привет, Скайлар, – говорит он своим глубоким мягким голосом.

Он нарочно придает своему голосу такую сексуальность или у него само так получается?

– М-м-м... привет!

Я высовываю голову в коридор, выискивая взглядом Эрин.

Гриффин пришел один. Внезапно я ощущаю страшную неловкость. Оказаться наедине с мужчиной, на чей пах я пытаюсь не смотреть, – не самое лучшее положение, в которое я попадала. Я не знаю, куда направить взгляд. Я пытаюсь смотреть в стальные глаза Гриффина, которые обожгли меня, когда я впервые его увидела, но это только разжигает мои фантазии, щедро приправленные чувством вины. Я улыбаюсь Гриффину и отхожу в сторону, пропуская его в квартиру.

Он заходит внутрь, оставляя за собой шлейф своего запаха, а я закрываю дверь и стараюсь не сделать резкий вдох через нос.

Мне приходит в голову, что мы впервые оказались с ним вдвоем, без Эрин. Мы много раз проводили вместе время. Мы вместе ужинали. Мы ходили на барбекю к Бэйлор. Я была в гостях у семьи Эрин в их доме в Уайт-Плейнс. Они пару раз приходили на воскресный обед с моей семьей. Но мы с Гриффином никогда не оставались наедине. А сейчас остались.

В моей квартире.

В которой есть постель.

Меня слегка мутит – интересно, меня сейчас опять вырвет или это просто нервная дрожь?

Я вспоминаю заявление Эрин о том, что Гриффин никогда бы ей не изменил. Это хорошо, потому что я бы ни за что так с ней не поступила. *Никогда.* Я отдаю себе отчет в том, что, скорее всего, я разрушила достаточно браков в своей жизни. Я не собираюсь разрушить еще и их семью. Я знаю, что Гриффин не поставит меня в такое положение, но просто для информации: если бы это случилось, я бы ни за что этого не сделала.

И не важно, как сильно я хочу провести пальцами по его черным как смоль волосам.

Не важно, что его сильный терпкий запах проникает ко мне внутрь.

Не важно, как сильно я хочу почувствовать его щетину у себя между бедер.

Перестань, Скайлар!

– Его еще не привезли? – спрашивает Гриффин, отвлекая меня от неуместных мыслей.

– Что еще не привезли? Эрин сказала, что будет доставка, но она не сказала, что именно привезут. Я подумала, что это очередная посылочка для облегчения токсикоза.

Гриффин с беспокойством смотрит на меня.

– Эрин сказала, что тебе довольно сильно нездоровится. Мне очень жаль.

– Все не так плохо. Всего несколько часов каждое утро – зато остаток дня я практически свободна. Обычно я работаю в ресторане с часу дня до десяти вечера, так что ничего страшного.

– Вот и хорошо, – говорит он. – Скажи, если я могу чем-нибудь помочь.

– Так что там будет в доставке? – спрашиваю я, стараясь отвлечься от упрямых мыслей о том, что он мог бы сделать, чтобы мне помочь. Я валю все на гормоны беременных.

– Ах да! Мы купили тебе велосипед, – говорит он. – Мы знаем, что ты любишь кататься, но кататься по городу в потоке машин может быть опасно, особенно когда ты начнешь набирать вес. Так что мы купили тебе стационарный велотренажер, чтобы ты могла кататься, не выходя из квартиры.

Я поднимаю глаза и ловлю его взгляд.

– Вы купили мне велотренажер? Серьезно?

– Да. – Гриффин улыбается, а я отвожу взгляд: я возбуждена, как школьница. – Его должны привезти с минуты на минуту, – говорит он.

– Но если его доставят, тогда зачем *ты* пришел? – Я запоздало осознаю, что мой вопрос мог прозвучать немного грубо. – М-м-м, не то чтобы я тебя тут не хотела. Совсем наоборот. В смысле, я не хотела сказать, что хочу тебя тут, но не понимаю зачем ты пришел, раз курьер все равно все сделает?

О боже. Просто замолчи уже, Скайлар.

– Брр! – Я закрываю глаза и упиваюсь собственным смущением.

Гриффин хихикает.

То есть он знает, какой эффект он на меня производит? Готова поспорить, что все женщины сходят по нему с ума. Уверена, что ему к этому не привыкать. Он сексуальный фотограф, к ногам которого, наверное, падают сногшибательные фотомодели.

– Не обращай на меня внимания. Я глупею от всех этих гормонов, – говорю я, осознав, что снова покраснела в присутствии Гриффина. Что же такого есть в этом парне, что каждый раз вызывает у меня такие эмоции?

– Все в порядке, – говорит он. – Я пришел, чтобы установить велотренажер. Курьер его доставит, но не соберет.

– А, понятно, спасибо.

Я не хочу показаться неблагодарной, но вообще-то я не очень рада, что он останется тут еще на какое-то время. Чем быстрее он уйдет, тем лучше. Когда я нахожусь рядом с мужем Эрин и испытываю вожделение к нему, я чувствую себя ужасной шлюхой.

Я смотрю на часы, молясь, чтобы звонок в дверь наконец прозвенел и избавил меня от неловкого напряжения, которое я же сама и создала.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спрашиваю я.

– Воды, если можно, – отвечает он.

Я преодолеваю небольшое расстояние от гостиной до своей кухни, оформленной в стиле камбуза на корабле. С того места возле холодильника, где я стою, мне видно, как Гриффин осматривает мою квартиру. Он начинает переставлять вещи – наверное, хочет освободить место для велотренажера. Он расчищает место в дальнем углу, за диваном. Я бы поставила

тренажер не там, но я ничего не говорю, замороженная тем, как напрягаются его мышцы, когда он отодвигает в сторону книжные полки.

Я выхожу из кухни и протягиваю ему бутылку с водой.

– Я думала, что было бы лучше поставить тренажер у окна. Тогда я по крайней мере смогу смотреть на улицу, пока катаюсь.

И еще снова увижу его мышцы, когда он будет двигать тяжелые полки обратно.

– Можно поставить туда, если хочешь, но к тренажеру прилагается большой экран, ты сможешь выбрать программу и кататься в любой точке мира. Можешь прокатиться по национальным паркам или проехать Тур де Франс. Или подняться на вулкан на Гавайях. Он очень классный! Я попробовал в спортивном магазине.

У меня отвисает челюсть. Я знаю, насколько эти штуки дорогие. К тому же, кажется, нужно каждый месяц покупать подписку на запрограммированные маршруты.

– Черт, Гриффин! Вам не стоило так много тратить.

– Не волнуйся об этом, – говорит он. – И не говори «черт».

– *Сам* не говори «черт», – дразню его я.

– Я сказал «черт» только потому, что ты сказала «черт». – Гриффин качает головой. – Давай оба перестанем говорить «черт».

Мы оба смеемся и садимся на противоположные концы дивана. Я снова смотрю на часы.

– С Эрин все в порядке? – спрашиваю я, чтобы убить время. – Кажется, после ультразвука она меня избегает. Она же не передумала насчет Горошинки, правда? – шучу я. Ну, то есть думаю, что шучу. Я наполовину серьезна.

– Я не знаю, что с ней происходит. – Гриффин откидывается на спинку дивана, закидывает ногу на ногу и задумчиво дергает за шнурок. Потом хмурит брови и слегка качает головой, словно что-то только что пришло ему в голову. Потом смотрит на меня. – Она ведет себя не так, как обычно, с тех пор, как я вернулся из Африки. Может, она просто на взводе из-за всего происходящего. Она так долго хотела ребенка, и вот наконец это происходит. Думаю, нам нужно дать ей время.

Я собираюсь спросить про его поездку в Африку, но тут раздается звонок в дверь.

Гриффин подскакивает с места:

– Я открою.

Он открывает дверь, а потом вместе с курьером выходит из квартиры. Через несколько минут они вносят большую тяжелую коробку, от которой все их мышцы напрягаются.

Курьер крайне привлекательный. Рослый. Сильный. Светловолосый. Накачанный. И он точно оценивающе меня разглядывает. Прежняя Скайлар начала бы с ним безбожно флиртовать. Да что там, прежняя Скайлар затащила бы его в постель прямо здесь и сейчас – неплохие получились бы чаевые. Но новая Скайлар предпочитает паяльничать на недоступного мужчину, стоящего рядом с ним.

– Это вам? – спрашивает парень.

– Кажется, да, – говорю я.

Гриффин наблюдает за тем, как тот оценивающе меня оглядывает.

– Судя по вашему виду, он вам вовсе не нужен, – говорит горячий курьер.

– Вот именно поэтому-то он мне и нужен, – говорю я, одаривая его своей самой самонадеянной улыбкой.

– Черт! – Курьер поворачивается к Гриффину: – Вам крупно повезло.

– Мы не вместе, – говорит Гриффин.

И хотя это правда – и я знаю, что нет ни малейшей вероятности того, что мы когда-нибудь будем вместе, – его слова на мгновение больно ранят мое сердце.

Курьер приподнимает бровь.

– Тогда вы не будете возражать, если я приглашу ее на свидание.

Это был не вопрос.

Лицо Гриффина становится суровым.

– Мы, может, и не вместе, но она беременна моим ребенком, – говорит он.

Из комнаты исчезает весь воздух – включая и тот, который наполнял мои легкие.

Какого черта?!

Я так и стою, раскрыв рот, а Гриффин сует двадцатку парню, который чуть не бегом несется к выходу.

Дверь захлопывается.

– Что это было, черт побери? – выпаливаю я.

– А что такого? – Гриффин с невинным видом пожимает плечами.

– *Что такого?!* – Я повышаю голос. – Зачем ты ему это сказал? Теперь он, наверное, думает, что я шлюха.

– Почему тебя волнует, что думает какой-то курьер?

– У тебя, черт побери, нет никакого права такое говорить! – кричу я.

– Перестань говорить «черт», – спокойно произносит он.

– Я буду говорить «черт», когда я захочу сказать «черт». Например, иди к черту, Гриффин! У тебя не было никакого права говорить всю эту фигню!

Гриффин смеется, что только распаляет мою ярость.

– Ты хочешь сказать, что пошла бы с ним на свидание?

– Нет, я не пошла бы с ним на свидание, – говорю я. – Но у меня есть право самой сделать этот выбор.

– Я просто хотел защитить тебя от него. Ты же его не знаешь, может, он психопат и убийца, – говорит он. – И если мне не изменяет память, ты сказала, что завязала с беспорядочными знакомствами. Это была одна из причин, по которой ты хотела все это сделать, – он кивает на мой все еще плоский живот.

– Спасибо, конечно, *папочка*, – капризно произношу я, – но думаю, что могу сама постоять за себя. Мне двадцать четыре года, и до сих пор я как-то обходилась без твоей чертовой помощи.

– Может, я и относился бы к тебе как к двадцатичетырехлетней, если бы ты перестала ругаться, как непокорный подросток, – раздраженно произносит Гриффин.

– Может, я бы и перестала ругаться, если бы ты перестал отпугивать от меня мужиков, – парирую я.

– Ага, так, значит, ты все же хочешь секса? – Он скрещивает руки на груди.

– Тьфу ты! – Я пинаю огромную коробку и морщусь от боли, пронзившей мою ногу. – Нет! Я не хочу секса, – говорю я. – Но это мне решать, а не тебе.

Вот черт! Я испытываю рвотный позыв и чувствую, что приближается второй раунд. Я не успею добежать до ванной. Я едва успеваю добежать до мусорного ведра на кухне, в которое и изливаю остатки зеленого яблока, которое съела на завтрак.

Мои волосы свисают в ведро, и пока приступ рвоты еще не закончился, я чувствую, как Гриффин берет мои волосы и отводит их от лица. Он мягко кладет руку мне на плечо.

Меня рвет в мусорное ведро, а я думаю только о волне жара, которая проходит по моему телу от его прикосновения ко мне через тонкую футболку.

Я сажусь на пол и восстанавливаю дыхание. Гриффин обшаривает шкафчики в поисках стакана и наполняет его водой. Он передает мне стакан и мокрое бумажное полотенце, чтобы я могла вытереть лицо.

Я в ужасе от того, что меня вырвало у него на глазах.

С другой стороны, может, острый стыд от того, что он видел меня в таком состоянии, положит конец эротическим фантазиям с его участием.

– Извини, пожалуйста. – Гриффин протягивает руку и помогает мне подняться. – Это из-за того, что я тебя расстроил?

– Нет. – Я смотрю на часы. – Все четко по графику.

– У тебя есть график рвоты? – смеется он.

– Типа того, – говорю я. – Ну, зато это по крайней мере предсказуемо.

Я вытаскиваю из мусорного ведра пакет и завязываю его. Он забирает пакет у меня из рук.

– Давай я вынесу.

– О боже, нет! – говорю я, забирая пакет обратно. – Я сама. В коридоре есть мусоропровод.

– Думаю, я справлюсь, Скай.

Он забирает у меня пакет, несмотря на то, что мне явно стыдно.

– Лар, – говорю я.

– А? – переспрашивает он, открывая дверь.

– Скайлар, не Скай, – говорю я. – Никто не называет меня Скай.

Мне никогда не нравилось такое сокращение. Оно слишком личное. Слишком похоже на знак привязанности. Ласковое прозвище. Способ стать ближе. Это все не про меня.

Тогда почему какая-то часть меня хочет дать мне пинка за то, что я запретила Гриффину так меня называть? И еще одна часть хочет дать пинка *той* части за то, что она это подумала.

– Да? Странно, это кажется таким очевидным ласковым прозвищем, – говорит он.

Я иду чистить зубы и долго принимаю душ. Чем меньше времени я проведу с Гриффином, тем лучше. Я только не знаю точно: это из-за того, что он чертовски сексуален, или из-за того, что он выяснил, как привести меня в бешенство?

Час спустя, когда я выхожу из спальни, велотренажер уже собран, а вся упаковка – вместе с Гриффином Пирсом – исчезла из моей квартиры.

Глава 5

Минди восхищенно наблюдает за тем, как я поглощаю жирный чизбургер и шоколадный молочный коктейль, которые она поставила передо мной всего несколько секунд назад. Она широко раскрывает глаза – наверное, от изумления, что одна миниатюрная женщина может уничтожить целый обед, с которым даже мужчина не скоро бы справился.

Но мне плевать. Я умираю от голода, черт побери! Теперь, когда токсикоз остался позади, я жажду мяса. Много мяса. Я все время ем мясо. Мои кровеносные сосуды уже начинают молить о пощаде.

Благодаря велотренажеру, который мне подарили Эрин и Гриффин, мне пока удастся удерживать вес, несмотря на свою одержимость животной плотью: за двенадцать недель я набрала всего один килограмм.

Как сообщила мне Эрин, которая в последние несколько дней опять стала собой, двенадцать недель – это повод отпраздновать. Она сказала, что двенадцать недель – это срок, после которого можно выдохнуть и начать всем рассказывать о беременности. Сейчас она на пути в ресторан, чтобы отвести меня в магазин одежды для беременных, пока у нас в ресторане затишье – как всегда в субботу днем. Не то чтобы мне уже была нужна одежда для беременных. Мне еще только начинает становиться тесно в обтягивающих джинсах. Горошинка еще такая маленькая. Эрин говорит, что ребенок сейчас длиной всего пять сантиметров, размером с лайм. Но она настояла, что нужно купить одежду сейчас, чтобы, когда она понадобится, я была стильной и шикарной. Беременность никогда не ассоциировалась у меня со стилем и шиком, ну да ладно.

Я выхожу из туалета и вижу, что Эрин идет мне навстречу. В руках у нее два цветка. Красная роза и какой-то белый цветок. Орхидея, или лилия, или, может быть, тюльпан. Я плохо разбираюсь в цветах. Как только мужчина мне их дарит, я делаю вывод, что пора все бросать и бежать без оглядки. Единственные цветы, про которые я что-то знаю, – это те искусственные букетики, которые мы ставим на столиках в нашем ресторане.

Эрин подходит ко мне, вытягивает вперед руки и протягивает мне цветы, по одному в каждой руке. На губах у нее сияет улыбка.

– Выбери цветок, – говорит она мне.

– Зачем? – скептически спрашиваю я. – Это что, какая-то проверка?

Эрин молча улыбается.

Я пытаюсь проанализировать, чего она от меня хочет. Роза – это очевидный выбор. Это цветок любви, цветок, который подходит практически к любому случаю. Цветок, который, наверное, выбрало бы большинство женщин. Белый цветок напоминает мне про Пасху. Или, может, про похороны. Не уверена, про что именно, но он мне нравится. Он вызывает у меня воспоминания о поле позади дома, в котором я выросла. Дома, который теперь принадлежит Бэйлор. Мы с Пайпер и Бэйлор часто играли на этом поле в прятки, а потом собирали там белые цветы в подарок маме.

Эрин хихикает:

– Просто выбери любой цветок, Скайлар, – произносит она, закатывая глаза, глядя на мои муки выбора.

Я протягиваю руку к белому цветку. Я никогда не стремилась стать частью большинства.

Эрин заключает меня в объятия.

– О боже, у нас будет мальчик! – восклицает она.

Я позволяю ей себя обнять. Я уже привыкла к ее объятиям. Иногда я тоже обнимаю ее, потому что – чего уж там скрывать – это единственное проявление человеческой любви, которое у меня было в последние полгода.

А я, черт побери, все время возбуждена! Рвотная фаза беременности перетекла в фазу ненасытного желания. В том смысле, что – я клянусь! – кровь все время приливает к нижней половине моего тела, от чего мой клитор возбуждается в самые неподходящие моменты. Вчера я испытала оргазм, пока каталась на велотренажере. Все эти вибрации от кручения педалей... Я даже не стала останавливаться. Я просто опустила руку и довела дело до конца, ненадолго сбавив скорость, пока корчилась на велосипедном сиденье.

За обедом в прошлое воскресенье, когда Гриффин наклонился и убрал у Эрин прядь волос за ухо и что-то ей прошептал, я чуть не взорвалась прямо за столом. Я представила себе, каково это – чувствовать его горячее дыхание у себя на шее, когда он что-то шепчет прямо мне в ухо. Мне даже пришлось выйти из-за стола и дать выход своему напряжению в общественном туалете.

Я стала просто мастером молчаливых оргазмов.

– Мальчик? – переспрашиваю я, глядя на цветок у себя в руке.

Эрин тянет меня за руку к пустому столику и усаживает за него.

– Это старое поверье, – объясняет она. – Надо предложить беременной женщине на выбор белую лилию и красную розу. Если она выбирает розу, у нее будет девочка. Если лилию – мальчик.

Она указывает на цветок у меня в руке.

– К тому же белые лилии – мои любимые цветы, такое вот дополнительное преимущество.

– Хм-м-м... – мычу я. – Довольно девчачий цветок для мальчика, ты не находишь?

– Вообще-то, в греческой мифологии лилия была символом чувственности и сексуальности, длинный пестик этого цветка символизирует фаллос.

– Думаешь, у Горошинки будет длинный пестик, да? – дразню я ее.

– Если гены на это влияют, то *очень* длинный пестик.

Вот блин! «Достоинства» Гриффина – это последнее, о чем мне нужно знать. У меня текут слюнки, словно мой нос учуял запах еще одного чизбургера. Я уже чувствую, как кровь приливает к нижней половине моего тела.

– Э-э-э... Эрин, – говорю я. – Я вовсе не хочу ничего знать про фаллос твоего мужа.

Она смеется, берет меня за руку и ведет к двери.

– Ладно, больше никаких разговоров про невероятный член Гриффина и его мастерство в соответствующей области. Пошли по магазинам!

О боже, неужели она это сказала?! Клянусь, она словно прочитала мои мысли и теперь нарочно старается давать пищу моим чудовищно неуместным фантазиям. Может, она нарочно меня мучает, потому что знает, что я испытываю к нему влечение? Гриффин – это пресловутый запретный плод, причем, как выясняется, с длинным и очень искусным пестиком. Почему человеку свойственно хотеть того, чего у него нет?

По пути к выходу я напоминаю себе, что Гриффин – единственный мужчина, который был у Эрин, так что ей не с кем сравнивать. Из этого я делаю вывод, что он, может, вовсе и не столь искусен в сексе, как она утверждает.

Мы проходим несколько кварталов к элитному бутику с одеждой для беременных. Все это время Эрин не перестает рассказывать, как шикарно я буду выглядеть. А я размышляю о том, что в последние недели ее почти не было в моей жизни, если не считать нескольких эсэмэс и одного имейла. Но теперь она, кажется, в порядке. Даже счастлива. Беззаботна. Что бы это ни было, кажется, все уже позади. Может, Гриффин был прав и ей просто нужно было время после УЗИ, чтобы привыкнуть к новой реальности.

В магазине нас встречает девушка, которая рассказывает, что сейчас в моде. Она провожает меня в примерочную, где лежит несколько макетов беременных животов разного размера,

которые можно пристегнуть и посмотреть, как одежда будет на мне выглядеть, когда живот подрастет.

Эрин выбирает вагон и маленькую тележку нарядов для примерки. Она выбирает все – от штанов для йоги до коктейльных платьев. Я даже представить себе не могу, что мой живот когда-нибудь заполнит переднюю часть дизайнерских джинсов, которые она мне протягивает. Они, должно быть, для женщин, вынашивающих близнецов.

Я замечаю, что вся одежда, которую Эрин для меня выбирает, обнажает зону декольте – впервые в жизни у меня там есть что показать.

– Эрин, ты почему-то решила, что мне надо выставлять напоказ свои сиськи?

– Да, черт возьми! – отвечает она.

Я смеюсь, потому что слово «черт» от нее не часто услышишь.

– У тебя сейчас обалденная грудь. Я не имею в виду, что раньше это было не так, но тебе стоит радоваться своим пышным формам, пока они у тебя есть. Ну и немножко выставлять их напоказ.

Я закатываю глаза.

– И зачем бы мне это делать? Мужчины на меня сейчас даже не смотрят. И это хорошо – это было одной из причин, по которой я решила стать суррогатной матерью.

– Скайлар, ты с ума сошла? Неужели ты не замечаешь, что происходит вокруг? Ты вызываешь восхищение мужчин везде, где бы ты ни оказалась. Включая моего мужа.

Я замираю и изо всех сил надеюсь, что она не заметит краску, заливающую мое лицо.

– Я никогда... э-э-э... Эрин, я не...

– Все в порядке, – говорит она и ободряюще кладет руку мне на плечо. – Ты великолепна, Скайлар. Мужчины будут обращать на тебя внимание. Гриффин будет обращать на тебя внимание. Меня это не беспокоит.

– Тебе это только кажется, – говорю я. – Гриффин на меня даже не смотрит. *Так* не смотрит. К тому же у него есть ты – ты очень сексуальная. Твою фотографию в купальнике вполне можно поместить на обложку спортивного журнала. К тому же мне кажется, что на самом деле он меня ненавидит. Он не рассказывал тебе про нашу ссору в тот день, когда он пришел устанавливать велотренажер?

Эрин смеется:

– Да, рассказывал. Мне кажется, это очень мило, что он так тебя защищает.

– Ты, может, и считаешь, что это очень мило. А меня это раздражает, – возражаю я. – На прошлой неделе, когда мы вместе обедали, какой-то парень пошел следом за мной в туалет, так Гриффин вскочил из-за стола и громко прокомментировал, что беременные женщины все время хотят пописать. Бедный парень даже не собирался меня клеить. Он просто шел в туалет.

– Ошибаешься, – говорит Эрин. – Когда ты ушла, мы все слышали, как он сказал своим приятелям, что собирался вернуться с твоим номером телефона. Нравится тебе это или нет, но мужчины все еще хотят тебя заполучить.

– Ничего, подожди, скоро я растолстею. Тогда твоему мужу не придется отпугивать от меня парней. – Я указываю на свой живот. – Эту задачу возьмет на себя Горошинка.

– Ты хочешь сказать, что *хочешь* с кем-нибудь переспать? – осторожно интересуется Эрин.

– Нет, не совсем так. – Я понижаю голос и оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. – Просто я все время возбуждена. Я имею в виду постоянно. Если ты представишь себе сексуальное возбуждение, помноженное на десять, то получишь мое состояние.

– Ты же знаешь, что есть способы самой с этим справиться, правда? – Эрин приподнимает бровь.

– Да, конечно. Я уже совсем измочалила свой разнесчастный вибратор, – беспардонно заявляю я, захожу в примерочную и, задерживая шторку, слышу за спиной ее смех.

Я решаю прицепить живот среднего размера, на котором написано «шесть месяцев». Большой – с надписью «девять месяцев» – просто гигантский. Мой живот ни за что не увеличится до таких размеров. Я натягиваю через голову одно из новых платьев, а Эрин говорит со мной из-за шторки.

– Я знаю, что у меня нет права просить у тебя о чем-то еще, ведь ты уже делаешь нам это колоссальное одолжение, но...

– В чем дело? Выкладывай, – говорю я из примерочной, уже зная, что сделаю все, о чем бы она ни попросила. Эрин – одна из тех людей, которым невозможно отказать. Она вкладывает всю себя во все, что делает. Она отзывчивая, дружелюбная и бескорыстная. Меня до сих пор до чертиков изумляет, что вокруг нее не выются толпы друзей, соперничающих за ее внимание.

– Гриффин не умеет готовить, а я хочу поменьше этим заниматься, когда родится ребенок, – говорит Эрин. – Может, ты могла бы дать ему несколько уроков по готовке, учитывая, что ты работаешь в ресторане и у тебя есть доступ к куче классных рецептов и все такое?

Я вздыхаю.

– Не то чтобы я не хотела... – *Ладно, я ужасно не хочу!* – Но почему бы тебе самой его не научить? Ты хорошо готовишь.

Это правда: она несколько раз приглашала меня на ужин.

– Ты же знаешь, что наши графики почти не совпадают. Гриффин часто работает по вечерам, и он точно ни за что не согласится на это по выходным, особенно учитывая, что он и так не горит желанием.

– Не горит желанием? То есть он на это не соглашался? – спрашиваю я, выглядывая из-за шторки. – И, если ты забыла, ты сама сказала две секунды назад, что он работает по вечерам, так что он в любом случае не сможет для вас готовить.

– О нет, он согласился, – подмигивает мне Эрин. – Я была очень убедительна.

Она произнесла это таким игривым тоном, что я сразу представила, как Гриффин стоит голый у стены, а Эрин делает ему минет. Я снова прячусь за шторкой, переполняемая ревностью из-за того, что она видит его голым.

– Просто он не в восторге от этой идеи, – продолжает она. – Я подумала, что он мог бы готовить днем. А я бы, вернувшись с работы, просто разогревала еду. Ну, ты могла бы научить его готовить жаркое или что-нибудь в таком роде.

– Не в восторге от чего? – уточняю я. – От того, что надо учиться готовить, или от того, что его буду учить я?

Эрин смеется:

– Что надо учиться готовить, конечно!

Я выглядываю из примерочной и приподнимаю бровь, чтобы убедиться, что она говорит правду. Эрин умоляюще смотрит на меня.

– Ну пожалуйста, Скайлар! Я тебе заплачу.

– Я не возьму никаких денег! – говорю я.

– Ой, значит, ты согласна? – Ее лицо озаряется.

Вот дерьмо.

– Гриффин мог бы приходить в ресторан в самые свободные часы. Скажем, в два или три часа дня. Любое удобное для тебя время подойдет. Или он мог бы приходить к тебе домой, если тебе так будет удобнее.

Дерьмо в квадрате!

– Нет-нет, лучше в ресторане. У нас там будет больше возможностей, чем у меня дома.

Эрин вытягивает меня из примерочной и заключает в объятия. Неужели я только что на это согласилась?

– Спасибо! За мной должок!

Я смотрю на ценник платья, которое примеряю.

– Ты ничего мне не должна. Купи мне это платье – и мы будем в расчете.

Она отступает на шаг назад и рассматривает меня с расстояния вытянутой руки. Ее взгляд останавливается на искусственном «беременном» животе. На глазах у нее появляются слезы. Она кладет руки на мой «живот», словно он и правда является продолжением моего тела.

– Боже, надеюсь, что смогу почувствовать, как он шевелится.

Я хмурю брови:

– Эрин, не глупи. Я уверена, что ты все почувствуешь, просто это произойдет еще не скоро, если верить той гигантской книге, которую ты заставила меня читать. Но я разрешаю тебе себя лапать, когда ты только пожелаешь.

Я проигрываю в голове только что сказанные слова и оглядываюсь по сторонам.

– Кажется, прозвучало немного двусмысленно, – хихикаю я, но ей не смешно. Интересно, она вообще слышала, что я сказала?

Эрин грустно смотрит на мой искусственный живот. Может, она жалеет, что Горошинка растет во мне, а не в ней.

Ну конечно, ей бы хотелось, чтобы было наоборот.

Она делает глубокий вдох и смотрит мне прямо в глаза.

– В этом платье ты просто светишься. А твоя грудь выглядит очень аппетитно. Надень его в понедельник.

– Тебе не кажется, что оно мне пока великовато?

– Никто даже не заметит сборки ткани у тебя на талии. Потому что все будут слишком сосредоточены на твоей груди.

Она чуть одергивает платье, чтобы еще сильнее подчеркнуть мою – теперь уже – выдающуюся грудь.

– Ну перестань уже, – ною я. – И так уже все вываливается.

– Я просто хочу, чтобы ты чувствовала себя красивой. Желанной, – говорит она. – Потому что это правда. Любой мужчина был бы счастлив быть с такой женщиной, как ты. Никогда не забывай об этом, – Эрин вздыхает. – Так, значит, в понедельник, да?

– Ладно, ладно, я надену это несчастное платье в понедельник.

Вот ведь пристала! Боже меня упаси спорить с небеременной женщиной, у которой гормоны, кажется, разыгрались еще хуже, чем у меня.

– Теперь можно примерить все остальное?

У нас уходит немало времени на то, чтобы перемерить ту кучу одежды, которую Эрин для меня выбрала. Наконец мы останавливаемся на подчеркивающем грудь платье и еще шести или семи комплектах суперстильных нарядов.

Эрин достает кошелек и роняет его на пол. Потом поднимает кошелек – и снова его роняет. И опять. И потом еще раз. Наконец я наклоняюсь и сама поднимаю кошелек.

– Прости, – раздосадованно произносит Эрин. – Что-то у меня сегодня руки-крюки.

Она пожимает плечами и неловко достает кредитку недоминирующей левой рукой, сжимая и разжимая правую руку в кулак.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Я в порядке, Скайлар. Просто рука затекла. – Эрин передает карту кассиру. – Жду не дожусь, когда увижу тебя в этом платье. Ты будешь самой сексапильной беременной женщиной в городе.

Я решаю не возражать, что это противоречит цели всей этой истории с суррогатным материнством. Если она хочет опосредованно получить такой опыт, то кто я такая, чтобы ей помешать?

Глава 6

В воскресенье днем раздается звонок в дверь, я смотрю в глазок и вижу курьера с корзиной. Наверное, это очередная посылочка от Эрин.

Я благодарю курьера – он с ухмылкой протягивает мне корзинку, закрытую темно-синей пленкой, которая полностью скрывает ее содержимое.

Потом я сажусь на диван и аккуратно разворачиваю упаковку. Когда я вижу, что находится внутри, глаза у меня вылезают из орбит. В корзинке сексуальные игрушки: вибраторы разных размеров, фаллоимитатор, какая-то яйцевидная штукавина, баночки с лубрикантом и несколько неизвестных мне предметов с названиями типа «Неистовый кролик» и «Вибрирующая пуля» – придется прочитать инструкцию, чтобы выяснить, что именно с ними надо делать. Боже, я возбуждаюсь уже при одном взгляде на все эти штуки.

Я смеюсь, вспоминая, как сказала Эрин, что сломала свой вибратор. Ей по-настоящему нравится обо мне заботиться.

Меня захлестывает чувство вины. Если бы она только знала, о ком я, скорее всего, буду думать, когда буду использовать эти штуки, она бы не только их не отправила, но и, наверное, вычеркнула бы меня из своей жизни сразу, как только заберет у меня Горошинку.

Может, я могла бы представлять себе курьера, который доставил велотренажер. Или курьера, который доставил эту корзинку, – он тоже был ничего. Ой, *ну конечно*, неудивительно, что он так ухмылялся. Готова поспорить, что он знал, что в ней лежит!

У нас на работе новый официант, Джерод. Ему всего девятнадцать. У него темно-русые волосы, глубокие темные глаза и тело, просто созданное для секса. Вот о ком мне надо фантазировать! Да что там, даже Трент – один из наших барменов – вполне мог бы стать неплохим объектом для сексуальных фантазий.

Пока я составляю список мужчин, которые могли бы заменить Гриффина в моих мечтах, у меня звонит телефон, отчего я вздрагиваю и роняю палочку для стимуляции точки G, которую держала в руках.

– Получила посылку? – визжит голос Эрин в телефоне.

Мои губы расплываются в улыбке.

– Если ты кому-нибудь об этом расскажешь, я тебя убью, а потом избавлюсь от тела.

Эрин смеется:

– Отлично! Значит, получила. Я не хотела, чтобы ты была... фрустрирована.

– Я даже не знаю, для чего половина из этих штук предназначена, – говорю я. *О боже, интересно, а она сама знает?* – А ты?

– М-м-м... скажу только, что это не первая корзинка, которую я заказывала в этом конкретном магазине.

Внезапно я представляю себе, как строгая школьная учительница приходит домой, где ее поджидает муж – в кожаных штанах, с кнутом в руке – и заставляет ее совершать разные сексуальные действия.

Эрин хихикает:

– Ты сейчас представляешь, как мы с Гриффином пользуемся этими штуками, да?

– Нет. Конечно, нет! – вру я. – О боже, Эрин! Гриффин ведь об этом не знает, правда?

– А что? Ты будешь смущена, если Гриффин станет думать о том, как ты пользуешься этими штуками?

– Эрин, заткнись! – говорю я. – Во-первых, да, я бы сгорела со стыда. Во-вторых, он никогда этого не сделает. И я не понимаю, зачем ты все время об этом говоришь. Ты что, кайфуешь от того, что твой муж испытывает влечение к другим женщинам? – дразню я ее. – Ой, блин, вы же не хотите секса втроем, правда?

– Не знаю, – говорит она. – А если бы мы хотели, ты бы согласилась?
Что за хрень?! Она же понимает, что я просто пошутила, да?

Самые невинные с виду люди всегда оказываются самыми большими извращенцами. Но все же я знаю Эрин уже почти полгода, она бы не смогла так долго скрывать это от меня.

– Я шучу, Скайлар, – смеется Эрин. Во весь голос. – Ты представить себе не можешь, как бы я хотела сейчас увидеть твоё лицо, – говорит она. – Ладно, я тебя отпускаю. Я знаю, что у тебя впереди насыщенный день. Теперь-то уж точно, – хихикает она. – Ой, кстати, не забудь надеть завтра то платье.

– Что у тебя за пунктик насчет этого платья? – спрашиваю я.

– Мне просто кажется, что ты в нем очень красивая, Скайлар. Беременным женщинам тоже нужно чувствовать себя красивыми, знаешь ли.

– Хорошо, мам, я его надену, – говорю я, закатывая глаза.

Мы прощаемся, и я думаю о том, как Эрин изменилась за прошедшие несколько недель. Она стала другой. Более открытой. Прямолинейной. Требовательной. Она даже пару раз чертыхалась – а я-то уж думала, что она на такое и не способна. Когда мы встречаемся, она хочет попробовать что-нибудь новое. На прошлой неделе Гриффин работал, и она пригласила меня прокатиться в карете по Центральному парку⁴. Она сказала, что никогда этого не делала, и пригласила меня прокатиться вместе с ней. Потом она хотела попробовать суши – ни одна из нас их раньше не ела, но от этого мне удалось отмазаться по причине того, что я беременна и поэтому мне нельзя есть сырую рыбу. Думаю, она либо чувствует себя более уверенно в нашей дружбе, либо хочет вычеркнуть пару вещей из своего списка того, что нужно успеть сделать до появления ребенка.

Минди выходит из своей спальни. Она замечает содержимое подаренной мне корзинки и широко раскрывает глаза от удивления. Весь следующий час мы хихикаем, читая инструкции к некоторым сложным устройствам на батарейках.

Через несколько часов Минди уходит на работу.

– Я даже не буду спрашивать, какие у тебя планы на сегодняшний вечер, подруга, – подмигивает она мне. – Постарайся только не разбудить соседей.

Я отношу корзинку в свою комнату и пытаюсь выкинуть ее из головы. Я просматриваю несколько эпизодов кулинарного шоу. Убираюсь на кухне. Проезжаю на велотренажере часть Аппалачской тропы. Я делаю все возможное, чтобы не думать о сексуальных игрушках, которые так и манят меня к себе.

Я звоню Бэйлор.

– Привет, сестренка! Уже соскучилась? – спрашивает она, потому что мы виделись только сегодня днем за воскресным обедом.

– М-м-м... во время беременности все постоянно возбуждены или только я?

– Ой, даже не начинай! – смеется она. – Пару месяцев назад Гэвин сказал, что боится, что я сломаю ему член. Я на тридцать пятой неделе, у меня огромный живот, а я не могу думать ни о чем, кроме секса.

– Тьфу ты! – огорчаюсь я. – Значит, лучше не станет?

⁴ Центральный парк в Нью-Йорке – один из самых крупных и известных парков в США, излюбленное место отдыха жителей города и туристов.

– У всех по-разному, – говорит она. – Некоторые женщины на моих курсах для беременных утверждают, что даже не хотят, чтобы их трогали. У некоторых вообще не было фазы постоянного возбуждения. Так что считай, что тебе повезло, Скайлар.

– Повезло?! – взрываюсь я. – Бэйлор, я стараюсь воздерживаться от секса, а не думать о нем еще больше. И у меня возникают очень неуместные мысли об очень неподходящих людях.

– Ты же не представляешь себе Гэвина, когда мастурбируешь, правда? – хихикает Бэйлор. – Впрочем, я бы, пожалуй, расценила это как комплимент.

– О боже, нет, конечно, нет! – при мысли о том, как я кончаю, думая о муже сестры, к горлу у меня подступает приступ тошноты.

– А кого тогда представляешь? – спрашивает она. – Погоди-ка, дай угадаю. Трента, нового бармена?

– Если бы! – говорю я.

– Джона, поставщика алкоголя?

О нем я не подумала. Я мысленно добавляю его в свой список.

– Боже, он всегда носит такие обтягивающие футболки, – говорю я, чтобы почувствовать к нему сексуальное возбуждение – но безуспешно. – Но нет. Да никого, в сущности. Забудь об этом.

– М-м-м, – задумчиво тянет Бэйлор. – Гриффин весьма сексуальный.

Я пытаюсь не сделать резкий выдох прямо в телефонную трубку.

– О боже, ты думаешь о Гриффине?! – восклицает Бэйлор. – Ты фантазируешь об отце ребенка, да?

– Ох... Мне пора.

– Скайлар, – произносит она прежде, чем я успеваю повесить трубку. – Ты же знаешь, что это нормально. Совершенно нормально фантазировать о нем – или о ком бы то ни было, – если ты не собираешься воплощать эти фантазии в жизнь.

– Я бы ни за что...

– Я знаю, что ты бы ни за что этого не сделала. И поэтому это совершенно нормально.

Я вешаю трубку и иду спать, так и не опробовав ни одну из своих новых игрушек. Хоть Бэйлор и считает, что это нормально, я из последних сил стараюсь не думать про Гриффина Пирса.

Раздается звонок в дверь. Один. Второй. Третий. Я понимаю, что Минди не собирается открывать, поэтому в полудреме выползаю из кровати и в темноте тащусь к двери. Я слишком устала, чтобы смотреть в глазок, поэтому просто открываю дверь.

– Ты получила корзинку?

Я поднимаю глаза и встречаю взгляд знакомых серых глаз – они еще темнее, чем я запомнила. Только сейчас они затуманены желанием.

– Эрин тебе рассказала? – от смущения я краснею до кончиков пальцев. Как этому мужчине удастся вгонять меня в краску? Я-то думала, что в мои двадцать четыре года это уже невозможно. И это действительно никому не удастся. Кроме него.

Прохладный воздух проникает через открытую дверь. Я осознаю, что на мне только футболка, в которой я сплю, и она едва прикрывает мне ягодицы. Гриффин тоже это замечает.

Немигающим взглядом он осматривает мои голые ноги. Я чувствую, как его глаза ласкают мою плоть, и по моей коже проходит волна жара. Гриффин ласкает меня взглядом, а я все

еще настолько сонная, что позволяю ему это делать. Когда его взгляд достигает моей груди, он широко раскрывает глаза, заметив, как соски набухли под тонкой тканью футболки.

Его реакция – пусть и совершенно неуместная – возбуждает. Мое либидо, которое и без того сейчас постоянно подогревается, мгновенно вскипает от одного только жара его взгляда.

– Эрин ничего мне не рассказывала, – отвечает он, и в его голосе слышатся страсть и желание. – Это я отправил посылку.

Я в недоумении качаю головой:

– Ты?

Мне что, приснилось, что Эрин мне звонила?

– Да, я. – Он без приглашения заходит внутрь и закрывает за собой дверь. – Я видел, как ты на меня смотришь. Я вижу огонь, который в тебе горит. Я знаю, что ты возбуждена. И я не хочу, чтобы к тебе прикасались другие мужчины. Я купил тебе все эти штуки, чтобы тебе больше никто был не нужен.

– Тогда зачем ты пришел? – спрашиваю я.

– Вот за этим. – Гриффин берет меня за руку и ведет в глубь комнаты. – Курьер доставил корзинку, но не настроил ее содержимое. – Он мягко толкает меня на диван. – Я помогу тебе это сделать.

– Э-э-э... – Мои мысли бешено скачут. *Это что, шутка?* Я тянусь за одеялом, чтобы укрыться, но Гриффин не дает мне этого сделать.

– Нет. – Он скидывает одеяло на пол. – Я здесь не для того, чтобы ты укрывалась, Скай. Напротив.

Он идет в мою спальню, оставив меня на диване с кучей неотвеченных вопросов. Он назвал меня Скай. Он пришел помочь мне разобраться с сексуальными игрушками. Я пытаюсь все это осмыслить, когда он возвращается в гостиную с корзинкой в руках.

Без рубашки.

О боже!

Он становится передо мной на колени и ставит корзинку рядом с собой.

– Мы займемся ими позже. Сначала я.

Я не успеваю спросить, что будет сначала, потому что он раздвигает мне ноги и разглядывает промежность. На губах у него появляется улыбка. Слегка лукавая сексуальная улыбка, от которой у меня отключается мозг, и я прогоняю из головы все мысли о том, насколько это неправильно.

«*Может, это часть посылки?*» – предполагаю я. Может, Эрин послала его ко мне? Она сказала, что он обращает на меня внимание. Она сказала, что он будет представлять себе, как я пользуюсь этими штуками. Подождите-ка, нет, это же не она, а *он* их отправил.

Желание затуманивает мое зрение так же, как и разум. Я смогу это сделать. Мы можем это сделать и не испортить все. Всего один раз. Один маленький раз. Который ничего не значит.

Мое тело дрожит, я опускаю взгляд и вижу, как Гриффин ласкает меня через мои насквозь промокшие трусики.

В другой руке он держит баночку с лубрикантом.

– Это нам не понадобится, – говорит он. – Ты такая мокрая, Скай. Ты этого хочешь.

– Нет. Мы не можем этого сделать. – Мой тихий голос прямо противоречит тому, что говорит ему мое тело.

– Все в порядке, она этого хочет, детка, – говорит он, отодвигая мои насквозь мокрые трусики в сторону и вводя в меня свой длинный палец.

Она этого хочет. Кто, Эрин? Может, они все же не те, кем кажутся. Может, они хотят втянуть меня в какие-то полигамные отношения.

Гриффин добавляет еще один палец и сгибает их так, чтобы достать до той точки, при прикосновении к которой я откидываю голову назад, и мне становится уже не важно, кто и что со мной делает, лишь бы я от этого кончила, удовлетворив свое плотское желание.

– Вот так, Скай, двигайся на моих пальцах. Вот так.

Гриффин опускает голову, показывая, что он собирается сделать.

– Сейчас я попробую тебя на вкус. Я заставлю тебя кончить снова и снова. Сначала языком, а потом каждой игрушкой из этой корзинки.

Прежде чем я успеваю возразить, его язык оказывается у меня внутри. *О боже!* Прошло всего тридцать секунд, а я уже могу думать только о том, что Эрин была права. У него, черт побери, просто талант!

Я сжимаю бедра. Мой живот охвачен жаром. Меня накрывает волной. Я поднимаю бедра ему навстречу, отчего его пальцы погружаются еще глубже и не выходят из меня, пока не замирает последняя пульсация моего оргазма.

– Гриффин... О боже! Да! – кричу я. Я открываю глаза, и еще до того, как я восстановилась после оргазма, меня охватывает чувство вины. Я опускаю взгляд на Гриффина, но его нет – я вижу только свои пальцы, которыми я все еще ласкаю себя.

Я оглядываюсь по сторонам и вижу, что я в своей постели. Совершенно одна. Я откидываю голову на подушку.

Слава богу!

Это был всего лишь сон. Только и всего. Еще одна фантазия о мужчине, который для меня недоступен.

Внезапно я всхлипываю, слезы вытекают у меня из глаз и стекают по щекам в волосы. Я только не знаю: это слезы вины или я оплакиваю потерю мужчины, который никогда не будет моим?

Глава 7

У Эрин просто невероятное чувство стиля. Должна признать, что платье чертовски мне идет. Даже лишняя ткань на талии выглядит так, словно так и было задумано. Основной акцент платья – на моей недавно появившейся груди. Как сказала Эрин, почему бы ее не показать, пока есть возможность?

Я действительно ощущаю себя привлекательной. Это приятно, особенно учитывая, что вчера – на следующий день после того, как я порадовалась, что все еще влезаю в свои джинсы, – я с трудом смогла застегнуть на себе свою любимую пару.

Я решила завязать волосы в пучок и чуть сильнее накрасить ресницы, чем обычно. У меня даже есть зеленые туфли на платформе, которые идеально подходят к этому платью. В новом наряде я чувствую себя молодой и посвежевшей. Надо не забыть поблагодарить потом Эрин.

По пути на работу я считаю своим долгом отметить, что несколько мужчин оборачиваются мне вслед. Это приятно, хоть я и не собираюсь ничего с этим делать. Новая Скайлар не заводит интрижек.

Я улыбаюсь про себя, когда в ресторане Трент тихонько присвистывает, когда я прохожу мимо бара по пути на кухню.

– Ого! – Минди останавливается на полпути и разглядывает мою грудь. – А эти красотки откуда взялись? Скайлар, ты выглядишь просто невероятно. Что за повод?

– Просто так, никакого повода, – говорю я. – Просто Эрин купила мне это платье и сказала, что мне стоит его надеть. Только и всего.

– Может, попросишь ее и мне подобрать одежду? – шутит Минди. – Потому что в этом платье ты реально можешь заполучить любого мужчину, какого захочешь.

Я закатываю глаза от такого преувеличения и проверяю утренние доставки.

– Кстати, об Эрин, – говорит Минди, – она звонила чуть раньше, чтобы договориться о кулинарном уроке для Гриффина.

Я замираю на месте. Я не могу даже поднять глаза на Минди. Ведь тогда она увидит, что я покраснела. Последний, о ком мне сейчас нужно думать, – это Гриффин Пирс.

Я бесстрастно спрашиваю:

– И?..

– И она спросила, свободна ли ты сегодня в три. Я проверила твое расписание, и ты свободна, – говорит она. – Так что Гриффин придет в три.

Я чувствую, как взгляд Минди буравит мой затылок.

– Сегодня?! – Я мысленно ругаю себя за то, что мой голос прозвучал на две октавы выше обычного. Я смотрю на часы, а потом опять на Минди. – То есть он придет через несколько часов?

– Да. А в чем проблема? – уголки ее губ ползут вверх, и вскоре на ее лице появляется широкая ухмылка.

– Проблема? Э-э-э... ни в чем. Но...

– Но что? – Минди с хитрым видом приподнимает бровь. – Но ты выкрикивала его имя в постели вчера ночью? В *этом* проблема?

Я уверена, что кровь отлила у меня от лица.

Слава богу, Джерод – наш новый официант – заходит сказать Минди, что ей нужно обслужить новый столик. Минди подмигивает мне и идет к посетителям.

В течение следующих нескольких часов я пытаюсь придумать предлог, чтобы позвонить Гриффину и все отменить. Его номер записан у меня в телефоне на случай какой-нибудь непредвиденной ситуации, связанной с ребенком. Я могла бы просто написать ему и соврать,

что у нас тут аврал или что заболел официант и мне надо его заменить. Что угодно, лишь бы перенести урок на другой день. На *любой* другой день, когда я накануне не испытаю оргазм во сне с участием Гриффина.

Я обещаю себе отправить ему эсэмэс после того, как поговорю с Трентом. То есть это я говорю с Трентом – а Трент разговаривает с моей грудью. Он перечисляет, какой алкоголь нужно заказать сегодня, потом кивает на столик неподалеку:

– Кого-то ждете, босс?

Даже не оглядываясь, я знаю, что он здесь. Потому что в воздухе раздается тихое потрескивание. Волоски у меня на шее встают дыбом. Кислород покидает мое тело, а пульс учащается.

Я оборачиваюсь и вижу, что Гриффин сидит на том же барном стуле, на котором он сидел в тот день, когда мы познакомились. Так же, как в тот день – и во все остальные дни, когда я его видела, – его лицо покрыто такой же черной как смоль щетиной. Это мужественное скопление жестких волос на челюсти заставляет меня задуматься, пользуется ли он вообще бритвой.

Я едва могу смотреть в его сторону, не говоря уже о том, чтобы посмотреть ему в глаза. Вчера ночью он подарил мне потрясающий оргазм. Черт, после такого мне почти захотелось покурить. Я даже не помню, чтобы когда-либо так бурно кончала. После того, как я наконец уговорила себя сделать десять шагов к его столику, на моем лице, наверное, появилось три разных оттенка красного.

– Я знаю, что пришел раньше, чем мы договаривались, – говорит он. – Но я работал здесь неподалеку и уже закончил. Я могу подождать, когда ты освободишься.

Я выглядываю в основной зал. Многие столики еще заняты. Я пытаюсь придумать какую-нибудь отговорку. Я могла бы попросить Минди сделать вид, что она заболела. Но тогда мне пришлось бы очень много всего ей объяснять, когда я вернусь домой. К тому же это, кажется, важно для Эрин, поэтому мне все равно рано или поздно придется это сделать. Почему бы тогда не начать прямо сейчас?

– Трент принесет тебе что-нибудь выпить, – говорю я. – Прежде чем мы начнем, мне надо убедиться, что большинство заказов готово и мы подготовили все банкетные блюда, заказанные на сегодня.

Я поворачиваюсь к Тренту:

– Принеси ему выпить за мой счет. Я вернусь через несколько минут.

Я иду на кухню – после ажиотажа обеденного перерыва там уже поспокойнее. Как же я с этим справлюсь? Я иду в свой кабинет и просматриваю на компьютере несколько простых рецептов, которым могла бы его научить. Я останавливаюсь на лазанье. Потом распечатываю рецепт и иду в туалет.

Я смотрю на себя в зеркало и тут вспоминаю, что на мне надето. Эрин настояла, чтобы я надела это платье сегодня. Сегодня – в тот самый день, когда она отправляет ко мне своего мужа на кулинарный урок. Иногда я сомневаюсь, все ли у нее в порядке с головой. Она проверяет Гриффина? Или меня? Я делаю несколько глубоких вдохов. Я смогу это сделать. Нужно просто сосредоточиться на готовке. Пока я не буду на него смотреть, все будет в порядке.

По пути обратно я прихватываю с собой несколько вещей и кладу их на столик перед Гриффином.

– Сначала – самое важное, – говорю я. – Выбирай: кепка или сеточка для волос?

Он выбирает бейсболку с логотипом «У Митчелла», которую я ему предложила.

– И тебе нужно будет надеть халат или фартук.

Он выбирает фартук с надписью «Ешьте у Митчелла».

Потом идет за мной на кухню.

– Как это надевают? – спрашивает Гриффин, вертя в руках длинные завязки фартука.

Я смотрю на него и не могу удержаться от смеха. Он понятия не имеет, как надеть фартук. Я забираю фартук у него из рук и продеваю ему через голову. И тут осознаю свою ошибку. Приблизиться к нему – да еще на такое расстояние, на котором я чувствую его запах, – было плохой идеей. Это вызывает в моем теле какую-то животную реакцию, которую я, кажется, совсем не контролирую. Я перекрещиваю завязки фартука у него за спиной и возвращаю их обратно. Наши лица совсем близко. Слишком близко. Я осознаю, что практически обнимаю его, и когда я, сама того не желая, смотрю в его стальные глаза, я чувствую у себя в животе какое-то порхание. На секунду я задумываюсь, не ребенок ли это шевелится, но потом вспоминаю, как Эрин сказала, что я смогу его почувствовать еще только через месяц.

Гриффин держится на почтительном расстоянии, вытянув руки в стороны, чтобы мне не мешать. Я пытаюсь не думать о том, что на его одежде теперь написано мое имя. Он чертовски неплохо в ней выглядит. Завязав фартук, я прикрываю глаза.

– Ты в порядке? – забеспокоился Гриффин. – Тебя снова тошнит?

Я качаю головой.

– Нет. Уже несколько недель не тошнит.

Я делаю несколько шагов в сторону – к месту, где я храню свою одежду для готовки. По мере увеличения расстояния между нами мое тело немного расслабляется. Я надеваю фартук и кепку, делаю еще один глубокий вдох и поворачиваюсь к нему.

Теперь его очередь смеяться. Он смотрит на мой фартук. Я так часто его надеваю, что иногда забываю, что на нем написано. На нем поросенок из мультика и надпись: «Каждой свинке глажу спинку».

Потом он замечает мою бейсболку:

– «Янкис», значит?

– Ну, я выросла в тридцати минутах езды отсюда. К тому же моя подруга Дженна помолвлена с Джейком Хэнсоном, который тренирует их бэттеров.

– Тебе это сойдет с рук только потому, что на кухне обязательно нужно быть в кепке, – с деланным раздражением произносит Гриффин. – Но чтобы ты знала, если я встречу тебя в этой кепке на улице, все резко изменится.

– Не фанат «Янкис»? – дразню его я.

– Я вырос в Огайо, – говорит он. – Там все болеют за «Индианс»⁵.

Я чувствую укол в сердце. Интересно, он такой же страстный фанат бейсбола, как и я? В детстве папа по очереди брал меня и моих сестер на матчи «Янкис». Так он проводил с каждой из нас время по отдельности. С этими матчами связаны многие из лучших моих детских воспоминаний. Я улыбаюсь, думая о том, что Гриффин, наверное, будет делать со своим ребенком что-то подобное.

– Знаешь, Джейк, наверное, мог бы достать вам билеты на хорошие места, когда они будут тут играть. Если хочешь, я у него спрошу.

Лицо Гриффина озаряется:

– Правда? Было бы здорово!

Он вдруг скептически смотрит на меня.

– Подожди-ка, он же не заставит меня нацепить на себя всякую фигню с логотипом «Янкис», правда?

Я со смехом отвечаю:

– Ну если Дженна пойдет с вами, то тебе придется это надеть, иначе она на тебя плюнет.

Гриффин обдумывает мои слова.

⁵ «Индианс» (официальное название «Кливленд Гардианс») – профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Кливленде, штат Огайо.

– Положа руку на сердце, не думаю, что смогу надеть что-то, кроме одежды с логотипом «Индианс».

Я киваю в знак понимания его верности спортивной команде.

– Могу попытаться достать тебе билеты на матч в день, когда Дженна работает.

– О, было бы классно!

От искренней улыбки у Гриффина вокруг глаз появляются морщинки. Он выглядит почти как ребенок, и я на секунду задумываюсь, будет ли ребенок, которого я вынашиваю, похож на него.

Я киваю на дверь в кухню.

– Готов? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает он. – Кстати, спасибо, что согласилась. Я знаю, что Эрин нас обоих заставила силой.

– Без проблем, – говорю я. – К тому же ты *знаком* со своей женой? Ей довольно трудно отказать.

– Ты себе даже не представляешь насколько, – смеется Гриффин, качая головой.

В следующие полчаса мы собираем все необходимое, варим листы для лазаньи, поджариваем итальянскую колбаску и фарш и кладем все ингредиенты в кастрюлю с соусом.

– А что за работа была у тебя сегодня? – спрашиваю я.

Гриффин помешивает соус, как я ему показала.

– Съёмка для журнала «Вог». Их штатный фотограф задержался в Лос-Анджелесе, и они пригласили меня. Я уже фотографировал для них раньше.

– Ого, для «Вог»? – Я стараюсь делать вид, что меня это не очень впечатляет, хотя это совсем не так. – И что ты снимал?

– Разворот для Дня святого Валентина, – отвечает он.

– А не рановато? До Дня святого Валентина еще полгода.

– Вот так рано они снимают, – говорит он.

– Наверное, здорово, когда тебя все время окружают сексуальные топ-модели, – говорю я.

– Не-а, не особо, – пожимает плечами Гриффин. – Большинство из них все равно потом фотошопят. Эти девушки не идут ни в какое сравнение с тобой и с Эрин.

Я смотрю на него так, словно у него выросла третья рука.

– А что не так? – говорит он. – Это правда. Вы с Эрин обе могли бы быть фотомоделями.

– Эрин могла бы быть фотомоделью, – возражаю я. – Она прекрасна.

– Ты себя недооцениваешь, Скайлар, – говорит он. – Ты тоже очень красивая. И гораздо естественнее, чем большинство фотомоделей, которых я снимаю. Они все выглядят анорексично. А ты настоящая. И это платье выгодно подчеркивает твои зеленые глаза. Ты прекрасно выглядишь.

Я ухмыляюсь, когда он быстро отводит взгляд от моего декольте – фартук не закрывает его полностью. Я беру одноразовую ложку и лезу в кастрюлю, чтобы еще раз попробовать фарш.

Гриффин смотрит на меня.

– Если будешь и дальше есть столько мяса, то растолстеешь, – шутит он. – Ты уже миллион раз попробовала.

Я открываю рот от изумления.

– Ты что, только что упрекнул беременную женщину в том, что она ест?! – отчитываю я его.

– Я просто тебя дразнил, – говорит он, закатывая глаза.

– Ты что, не читаешь книги, которые Эрин тебе покупает? – выпаливаю я. – Ну там, «Правило номер один во время беременности: не называть беременную женщину толстой».

– Я не называл тебя толстой, – говорит он, качая головой. – Я сказал, что ты *растолстеешь*, если будешь столько есть. Это не одно и то же. Я был не уверен, знаешь ли ты, что съела уже половину мяса.

– Вот блин! – Я надуваю губки и топаю ногой. Он только что опять это сделал. – Не важно, что ты не сказал этого прямо такими словами, – говорю я. – Мне все равно было неприятно. Представь, что ты скоро растолстеешь, как никогда раньше, но ничего не можешь сделать, чтобы это предотвратить. А тут кто-то указывает тебе на то, что ты много ешь.

Гриффин поднимает руки в знак капитуляции.

– Прости, – говорит он. – Этого больше не повторится. Ради всего святого, Скай, ты стройная и здоровая. Не знаю, почему ты делаешь из этого такую проблему.

Я бросаю ложку в мусорную корзину с такой силой, что она выскакивает обратно.

– Скайлар! – говорю я. – Меня зовут Скайлар. Не Скай.

– Боже, *Скайлар*, – говорит Гриффин, делая акцент на моем имени. Он поднимает ложку с пола и кладет ее обратно в мусорную корзину. – Все эти гормоны беременных сильно на тебя повлияли.

Мои губы сжимаются в тонкую линию, а глаза мечут огонь. Вот козлина! Не могу поверить, что *этот* человек являлся мне во сне.

– Черт, ты что, шутишь?! – спрашиваю я.

– Не говори «черт», – отвечает он.

– Я буду говорить «черт», если захочу сказать «черт»! – ору я так, что персонал, работающий на кухне, останавливается и слушает нашу перепалку. – Сначала ты рассказываешь мне, какая я сексуальная, хотя ты женат, да еще и на моей подруге. Потом ты говоришь, что я толстая. А теперь у меня гормоны разыгрались? Гриффин, ты сегодня превзошел сам себя, черт возьми!

Он подходит ближе и отрывисто шепчет сквозь сжатые зубы прямо мне в ухо.

– Пожалуйста. Не. Говори. «Черт».

Я чувствую его дыхание у себя на шее. Еще чуть-чуть – и мне придется выйти из кухни. Рассерженный Гриффин еще сексуальнее, чем обычный.

Он отстраняется от меня и говорит так тихо, что слышу только я:

– Послушай, Скайлар. – Он удерживает меня на месте взглядом. – Во-первых, Эрин попросила меня сделать тебе комплимент. Она сказала, что беременные женщины чувствуют себя некрасивыми и что я должен сказать тебе, что ты прекрасно выглядишь. Я хотел ее порадовать. Я хотел *вас* порадовать. Черт, у нее гормоны разыгрались не меньше, чем у тебя. В последнее время она плачет по малейшему поводу. *Тебе* стоило бы пожалеть *меня*. Мне приходится окучивать сразу двух женщин.

– Окучивать? – переспрашиваю я. – Так ты меня окучиваешь? И это Эрин велела тебе сказать всю эту фигню?

– Нет, я не это имел в виду. – Гриффин обезоруживающе поднимает вверх руки. – Пожалуйста, прояви снисходительность. Я никогда не делал ничего подобного. Да, Эрин велела сделать тебе комплимент, но каждое мое слово было правдой. Ты *действительно* очень красивая. И я не хочу, чтобы ты думала, что я сказал это потому, что хочу заняться с тобой сексом, Скайлар. Не каждый мужчина хочет затащить прекрасную женщину в постель.

Прекрасную. Он считает меня прекрасной? Или это тоже Эрин велела ему сказать?

– Слушай, давай просто закончим этот урок? – предлагаю я.

Я не могу решить, что меня больше злит: то, что Эрин попросила его сделать мне комплимент, или то, что он на самом деле не так ко мне относится.

– Давай, – соглашается Гриффин.

Весь следующий час, пока мы раскладываем слои и выпекаем лазанью, мы говорим только о еде. Пока она готовится, я показываю Гриффину, как готовить хлеб с чесноком и

как сделать простенький салат. Когда мы упаковываем еду, чтобы он мог забрать ее домой, я говорю:

– Тебе стоило бы принести Эрин цветы, а не только ужин.

Он молча кивает. Интересно, он боится, что я опять на него наброшусь? Я мысленно делаю пометку, что надо спросить Минди, стала ли я такой стервой под влиянием беременности или под влиянием Гриффина Пирса.

– Белые лилии, – говорю я. – Это ее любимые цветы.

– Я знаю, какие цветы любит моя жена, Скайлар, – с раздражением произносит он.

Я игнорирую его кислое настроение.

– Ты же знаешь, что она думает, что Горошинка – мальчик, да? – спрашиваю я.

У него на лице мелькает слабая улыбка. Может, он втайне хочет, чтобы у них был мальчик?

– Да, она рассказала мне про поверье с цветами, – говорит он. – А что *ты* об этом думаешь?

Я пожимаю плечами:

– Я думаю, что белые цветы мне нравятся больше, чем красные розы.

После этих слов у него на лице появляется еще одна неуверенная улыбка. Я догадываюсь, что, в отличие от Эрин, он, как и я, не очень верит в «судьбу».

– Я слышал, что у некоторых беременных женщин бывает предчувствие, – говорит он. – У тебя такого нет?

Я качаю головой:

– Это ваш ребенок, Гриффин. Я стараюсь не слишком много думать о таких вещах.

– Ах да, – с виноватым видом произносит он. – Логично. Извини.

Я упаковываю еду в контейнер.

– Можешь вернуть контейнер, когда придешь на следующий урок.

– Ты все еще будешь меня учить? – спрашивает он. – Даже несмотря на то, что я был таким придурком сегодня?

Я смеюсь.

– Да! Даже придурки должны уметь готовить.

Мы выходим из кухни, и он отдает мне кепку и фартук.

– Спасибо, Скайлар.

Он протягивает мне руку, и я пожимаю ее. Электрические заряды проходят по моему телу, и я осознаю, что не ощущала ничего подобного с того момента, когда он в прошлый раз дотронулся до меня – это произошло больше месяца назад, во время УЗИ.

Я ухожу, разочарованная собой за то, что веду счет его прикосновениям.

Глава 8

Эрин показывает Минди и Дженне дом. Мы с моей очень беременной сестрой его уже видели, поэтому остались на кухне готовить напитки для девичника.

Дом весьма впечатляет. Очевидно, чувство стиля Эрин распространяется и на оформление интерьеров. Чтобы добраться до особняка Эрин и Гриффина от моей квартиры, надо проехать девять остановок на метро или заплатить всего шесть долларов за такси. Им удалось заполучить один из немногих домов в Нью-Йорке, у которого есть настоящий дворик. Им повезло. Это идеальное место для того, чтобы растить детей.

Я не могу даже представить себе, как бы я росла, если бы у меня не было места для игр и беготни. Наш дом в Мейпл-Крик не такой эффектный и современный, как многие дома в Нью-Йорке, но зато там можно было свободно положить ноги на журнальный столик или оставить бутылку воды на кухонном столе. А в огромных полях вокруг дома можно было часами играть в салки или в прятки.

Каким-то образом Эрин удалось совместить и то, и другое. Ее дом выглядит очень эффектно. Он украшен в современном стиле и оснащен всеми новейшими технологиями. И в то же время в нем по-домашнему уютно. Я легко могу себе представить, как дети носятся по лабиринту комнат на всех четырех этажах.

Одна стена у них в гостиной стеклянная, она раздвигается и почти полностью исчезает, создавая тем самым одно большое пространство, объединяющее дом и дворик и простирающееся дальше на террасу, где расположена кухня и джакузи. Мы сидим за гигантским столом посреди кухни, откуда через анфиладу из нескольких комнат нам хорошо виден дворик. Интересно, когда Гриффин устроит там детский городок? Или, может, он повесит на дуб качели?

Над кухонным столом расположен стеллаж с самыми современными кастрюлями и сковородками – уж я-то знаю, что они стоят не одну тысячу долларов. Эта кухня – мечта любого повара. Я смеюсь про себя, думая о том, что Гриффин даже не умеет включать плиту. Неудивительно, что Эрин хочет, чтобы он научился готовить. Было бы жаль, если бы всем этим прекрасным оборудованием пользовалась только она одна.

Девушки возвращаются обратно к нам. Минди и Дженна восторгаются утонченным вкусом Эрин, а я включаю ноутбук, чтобы Пайпер могла присоединиться к нам по Скайпу.

Бэйлор наливает всем «Дайкири», правда, себе и мне она делает безалкогольные. Эрин ставит на кухонный стол из черного гранита закуски, которые мы принесли с собой.

– А где твой красавец муж? – спрашивает Минди у Эрин.

Я улыбаюсь: хорошо, что я не единственная женщина, очарованная внешностью Гриффина.

– С моим красавцем мужем, – говорит Бэйлор. – Гэвин, Гриффин и Мейсон – друг Гриффина – пошли в клуб.

В эту секунду я осознаю, насколько хорошо Эрин и Гриффин вписались в круг моих друзей. Интересно, они знают, что если ты в него попадаешь, то это навсегда? А значит, я обречена всю жизнь испытывать влечение к мужу своей лучшей подруги.

Муж Бэйлор – Гэвин – работает в сфере кинопроизводства, поэтому у него много связей. Он достал ВИП-приглашение на эксклюзивное предварительное открытие нового клуба в Сохо⁶.

– Жаль, что Джейк не смог с ними пойти, – говорю я Дженне. – С другой стороны, у Джейка и у самого немало ВИП-приглашений, он же тренер «Янкис» и все такое.

Дженна кивает и произносит с напускным пафосом:

⁶ Сохо – район в Нью-Йорке, известный наличием множества галерей, магазинов, кафе, ресторанов и отелей.

– Да, дорогая, но постоянно тусоваться с богатыми и знаменитыми ужасно утомительно. Мы все смеемся. У Дженны не получается даже притвориться снобом, хотя она, как литературный агент, много общается с такими клиентами.

– Кстати, Дженна, – говорит Эрин, – как ты думаешь, сможешь достать нам несколько билетов на матч «Индианс» на следующей неделе? С тех пор как Скайлар про него упомянула, Гриффин говорит о нем не переставая. Для него бейсбол как наркотик.

– Конечно, на какой день? – спрашивает Дженна. – Они играют со вторника по четверг.

– Я могу найти для себя замену только в среду, – говорит Эрин. – Получится?

– Да, конечно, – говорит Дженна. – Жаль только, что я не смогу пойти с вами. У меня всегда куча встреч по средам. Вам сколько билетов?

Эрин подмигивает мне. Она знала, что Дженна не сможет пойти в среду. Она хочет, чтобы Гриффин мог спокойно поболеть за свою любимую команду. Эрин поворачивается ко мне:

– Ты же пойдешь с нами, правда? Я не очень хорошо разбираюсь в бейсболе, а Гриффину нужен кто-нибудь, кто понимает, что происходит.

– Эрин, я фанат «Янкис», – напоминаю я ей.

– Ну... бейсбол и есть бейсбол, – говорит она.

Мы с Дженной переглядываемся и хихикаем над наивностью Эрин: мы-то знаем, что такое верность команде! Эрин прекрасна. Она умна. У нее много скрытых талантов. Но в спорте она разбирается так же, как золотая рыбка – в ядерной физике.

– Ой, это, наверное, будет весело, – говорит Дженна. – Жаль, что я этого не увижу. – Она знает, что я ярый фанат, и наверняка думает, что будет забавно наблюдать, как я сижу рядом с врагом.

– Ладно, – закатываю глаза я. – Достань нам три билета.

Эрин хлопает в ладоши, как ошарашенная школьница.

– Гриффин будет в восторге!

– Привет, девчонки! – слышу я знакомый голос. Я перевожу внимание на экран ноутбука – Пайпер улыбается, в руках у нее тоже «Дайкири». Бэйлор знакомит Пайпер с Эрин.

Эрин переводит взгляд с Пайпер на Бэйлор, потом на меня.

– Ничего себе! – восклицает она. – Пайпер, ты выглядишь прямо как Бэйлор, только у тебя такие же зеленые глаза, как у Скайлар.

– Да что ты говоришь? – с сарказмом произносит Пайпер.

Мы втроем смеемся и закатываем глаза. Нам все время это говорят. Пайпер двадцать один, она на три года младше меня и на пять лет младше Бэйлор. В детстве мы были очень близки. Единственное время, которое мы провели порознь, – это тот год, когда Бэйлор училась в Университете Северной Каролины, и потом Пайпер в старших классах провела один семестр за границей. Пайпер так понравилось путешествовать, что после окончания школы она решила сделать путешествия образом жизни. Время от времени она приезжает домой, но теперь мы чаще видим ее на экране компьютера, чем вживую.

– И когда же ты ошастливишь нас своим личным присутствием, сестренка? – спрашиваю я. – Последний раз мы виделись на свадьбе Бэйлор.

– Да уж, если ты будешь возвращаться только на свадьбы сестер, мы тебя, наверное, больше никогда не увидим, – дразнит ее Минди. Она указывает на меня. – Чтобы эта вышла замуж, понадобится настоящее чудо.

Пайпер смеется:

– Если это чудо случится и моя старшая сестренка решит остепениться, я не просто появлюсь – я спланирую все треклятое мероприятие!

Все смеются, а Пайпер бубнит еще что-то про свистящего на горе рака.

– Давайте теперь перейдем к более реалистичным обсуждениям? – предлагаю я.

Отвечая на мою просьбу, Минди вопросительно приподнимает бровь и обращается к Эрин:

– Так, значит, Мейсон – друг Гриффина. Это тот самый Мейсон, про которого ты нам рассказывала?

Эрин с улыбкой кивает.

Ну губах у Минди появляется коварная улыбка.

– Тот самый Мейсон Лоуренс, молодой и страстный запасной квотербек⁷ команды «Нью-Йорк Джайентс»? Тусуется прямо сейчас с твоим мужем?

Минди вздыхает, и я прямо вижу, в каких мечтах она сейчас витает.

Эрин, должно быть, заметила то же самое, поэтому быстро уточняет:

– Мейсон не заводит романов. С тех пор, как после одного из них стал отцом.

Минди с разочарованным видом заявляет:

– Кинопродюсер, фотограф и профессиональный бейсболист. Черт побери! Мне почти жаль всех тех женщин, которых сегодня отошлют.

Я хихикаю при мысли об этом. Я еще не знакома с Мейсоном, но я видела его фотографии. И конечно, несколько раз видела его на матчах. Минди права. Мало того, что у них такие сексуальные профессии, так у них еще и внешность соответствующая. Эта тройка – просто смертельная комбинация.

Эрин снова наполняет всем бокалы. Те четверо, кто пьет не безалкогольные «Дайкири», с каждым бокалом становятся все интереснее. Просто поразительно, сколько всего можно узнать, если не пьешь на девичнике.

Чем больше пьет Дженна, тем остроумнее она становится. Она рассказывает про ужасные рукописи, которые ей присылают писатели, ищущие агента.

– Одна дама на полном серьезе считала, что книга про женщину, которая влюбляется в свою кошку, принесет ей миллион долларов.

Дженна цитирует несколько отрывков, от которых даже самые трезвые из нас катаются по полу от смеха.

Чем больше пьет Пайпер, тем более сонной она становится. Кажется, что голова у нее сейчас упадет на клавиатуру. Правда, это может быть вызвано не алкоголем, а шестичасовой разницей во времени. У нее сейчас три утра.

У Пайпер уже заплетается язык, когда она рассказывает, как почти дотронулась до далай-ламы, когда была в Тибете. Ее подруга Чарли, с которой они вместе путешествуют, сломала ногу, поэтому им пришлось отложить восхождение на одну из гор в Австрийских Альпах. А после их последнего приключения по освобождению животных из испытательной лаборатории в Германии они чуть не оказались за решеткой. Примечательно, что в ее рассказах о путешествиях полностью отсутствуют мужчины. Я ненадолго задумываюсь – и уже не в первый раз, – может, она ими и не интересуется? Может, у них с Чарли что-то большее, чем может показаться на первый взгляд?

Когда пьет Минди, она возбуждается. Она пишет своим предыдущим пассиям, чтобы выяснить, с кем из них сможет попозже встретиться. Думаю, она все еще молча дует на то, что Эрин не помогла ей завести интрижку с горячим квотербеком.

Я еще никогда не видела Эрин такой пьяной. И, черт побери, пьяная Эрин хочет говорить только о своем муже!

– Гриффин удивительно внимательный любовник, – внезапно заявляет она, и все остальные разговоры тут же прекращаются.

⁷ Квотербек – позиция игрока в бейсболе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.